

ЛАРИСА СОБОЛЕВА

КОЛЬЕ БЕЗ ПРАВА ПЕРЕДАЧИ

ТАМ, ГДЕ НАСТОЯЩЕЕ
ПЕРЕПЛЕТАЕТСЯ С ПРОШЛЫМ, —
ВОЗМОЖНЫ НЕОЖИДАННЫЕ
ПОВОРОТЫ СУДЬБЫ...

ДЕТЕКТИВ
ПО НОВЫМ ПРАВИЛАМ

Детектив по новым правилам (АСТ)

Лариса Соболева

Колье без права передачи

«АСТ»

2016

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Соболева Л.

Колье без права передачи / Л. Соболева — «АСТ»,
2016 — (Детектив по новым правилам (АСТ))

ISBN 978-5-17-094821-5

Что же это за колье, из-за которого в прошлом произошло множество смертей, а современный ювелир, увидев его, упал в обморок? Заколдованное, что ли?.. Сейчас, в наши времена, как и много лет назад, это необыкновенно красивое бриллиантовое украшение, словно само выбирая себе хозяев, стало кочевать из рук в руки, сея смерть. За старушкой, которая принесла его ювелиру на оценку, кто-то следит... Несмотря на то, что она тщательно прячет свое сокровище, колье у нее крадут. Дальше происходит целая серия убийств. Неужели драгоценные камни виноваты в том, что гибнут люди? Или, наоборот, – виной всему человеческая жадность и зависть? Совсем недолго радуется взгляд блеск бриллиантов, его затмевает алчный блеск глаз, и... появляется новое дело у следователя прокуратуры Архипа Щукина... Ранее книга издавалась под названием «Бриллианты на пять минут».

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-094821-5

© Соболева Л., 2016
© АСТ, 2016

Содержание

1	6
2	15
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Лариса Соболева

Колье без права передачи

© Л. Соболева

© ООО «Издательство АСТ», 2016

* * *

1

Ювелир упал в обморок. Ксения Николаевна, сухая старушка, одетая в приличествующую современной горожанке среднего класса одежду, удивленно приподняла тонкую бровь, линия которой была подчеркнута черным карандашом. Она не поняла, что случилось. Пожилой ювелир, милый и полненький, встретивший ее так вежливо, рассматривал старое кольцо, хранившееся в потертом – времен нашествия Наполеона – ридикюле вместе с любимыми фотографиями и документами. И вдруг этот славный человек – бух со стула! И ни слова. Приподнявшись на цыпочки, Ксения Николаевна просунула, сбив набок шляпку, голову в окошко на стеклянном щите, отделявшем ювелира от клиентов, и заглянула вниз. Кроме тучного зада ювелира, ничего не рассмотрела.

В мастерской никого не было. Ксения Николаевна прошла к дверце стойки, тронула ее, но та была заперта. Тогда она громко позвала:

– Ау! Кто-нибудь! Человеку плохо!

На зов старушки вышел высокий, спортивного вида молодой человек лет двадцати семи. Она призывно замахала руками, затем указательным пальцем показала вниз, взволнованно сообщив:

– Посмотрите, мастер упал.

Едва увидев распростертое на полу тело, молодой человек побелел и кинулся к ювелиру, а Ксения Николаевна принялась сбивчиво объяснять:

– Он рассматривал мое кольцо и упал... Наверное, гипертонический криз. Надо вызвать неотложку. Да откройте дверцу, в конце концов! Я могу помочь – я работала когда-то медицинской сестрой.

Молодой человек торопливо открыл дверцу, и Ксения Николаевна прошла за прилавок. Работник мастерской вызвал охранника, затем кинулся к телефону – звонить в «Скорую».

Ксения Николаевна определила по пульсу на шее, что ювелир жив. В левом кулаке он сжимал ее кольцо. Она попробовала разжать пальцы, но они как приросли к украшению. Подоспел охранник, Ксения Николаевна сказала, что ювелира нужно положить так, чтобы голова его была приподнята. Растерянный охранник уложил тело ювелира к себе на колени, а молодой человек уже спешил к ним с мокрым полотенцем. Обмотав голову ювелира, он поднял глаза на Ксению Николаевну:

– Я правильно делаю?

– Да, – ответила она. – Кажется, и на грудь следует положить что-нибудь мокрое...

– Быстро сбегай в подсобку, принеси... – попросил он охранника, который аккуратно переложил голову ювелира на колени молодого человека и тут же умчался. – Папа! Ты меня слышишь? Потерпи. Сейчас приедет «Скорая»...

– Молодой человек, – обратилась к нему Ксения Николаевна, – а как же мое кольцо?

– Ах да... извините... – Он с трудом разжал побелевшие пальцы ювелира и, не глядя на клиентку, протянул ей украшение, взглянув на него мимоходом. – Возьмите... Как-нибудь в следующий раз...

Он осекся, так как ювелир глубоко вздохнул, приходя в себя. Ксения Николаевна взяла кольцо, постояла еще некоторое время, подумала: зачем она соврала, что работала медицинской сестрой? И видя, что в ее помощи не нуждаются, вышла из мастерской.

На скамье в сквере, напротив мастерской, ее ждала внучка Софийка. Завидев бабушку, девочка поднялась, но Ксения Николаевна махнула рукой – мол, сиди уж. Перейдя проезжую дорогу, она присела рядом с озабоченным видом.

– Ну что? – нетерпеливо спросила Софийка.

– В городе еще есть ювелирные мастерские? – в свою очередь спросила бабушка.

– Полно. Но у меня только три адреса. Это крутые мастерские.

– Крутые! – фыркнула Ксения Николаевна и небрежно бросила колье в ридикюль. – В первой вообще от ворот поворот дали: «Мы занимаемся только золотом и серебром». Тоже мне, ювелиры... Значит, остался еще один адрес?

– И здесь не определили стоимость? – расстроилась внучка.

– Ювелир не успел оценить: с ним случился обморок. Я всегда говорила, что полные люди склонны к апоплексическому удару. Кстати, официальная медицина согласна с моей точкой зрения.

– Ксюша, – пропела Софийка, прижимаясь к ней, – это твое мнение совпадает с официальной медициной.

– Какая разница? – отмахнулась Ксения Николаевна. – Уф, вот невезение!

– Может, оно ничего не стоит? – предположила внучка.

– Не думаю... Пойди купи мне сигарет, дорогая.

– Тебе каких? – встала Софийка, взяв деньги у Ксении Николаевны.

– Как будто не знаешь! Для учеников третьего класса средней школы, – буркнула бабушка, сосредоточившись на своих мыслях.

София убежала, размахивая сумочкой, а Ксения Николаевна глубоко задумалась, пристально глядя на вход в ювелирную мастерскую, к дверям которой подкатила «Скорая». Затем перевела взгляд на ювелирный магазин рядом. Довольно легко для своих лет поднявшись с лавочки, Ксения Николаевна решительно направилась туда.

В магазине было пусто. Впрочем, здесь ведь не колбасой торгуют, простым гражданам в этом выставочном зале делать нечего. Ксения Николаевна медленно шла, вытянув губы трубочкой, вдоль стеклянного прилавка, изучая лежащие в витрине кольца и серьги. За ней наблюдала продавщица с короткой стрижкой типа «тифозная эпидемия», с намазанными черной помадой губами и темно-синими тенями на веках.

– Что вы хотите? – тягуче, будто сонная, промямлила вампирскими губами продавщица, когда старушка поравнялась с ней.

– Скажите, милая... – И Ксения Николаевна положила локотки на стеклянный прилавок. – Где у вас бриллианты?

Последовали несколько секунд паузы. Тоскливый взгляд продавщицы, красноречиво говоривший посетительнице: тебе, мол, пора в бюро ритуальных услуг интересоваться катафалками, а не бриллиантами, – нисколько не смутил Ксению Николаевну. Она терпеливо ждала ответа на свой вопрос. Тогда продавщица убийственно выговорила, почти не раскрывая рта:

– Уберите локти с прилавка! – Ксения Николаевна послушно убрала руки и выжидающе смотрела на «тифозную» девушку. Та лениво кивнула в сторону, едва выдохнув: – Бриллианты там.

Ксения Николаевна долго рассматривала ювелирные изделия, которые, как ей показалось, ничего общего с ее колье не имели. Вздохнув с прискорбием, покинула ювелирный магазин, чувствуя на себе презрительный взгляд продавщицы.

– Куда ты пропала? – вопросом встретила ее внучка, вновь сидевшая на той же скамье. – Я волновалась.

– Давай сигареты, – требовательным тоном сказала Ксения Николаевна, усаживаясь рядом с Софийкой. Закурила. – Я анализировала ювелирный магазин.

– Ты случайно не собираешься грабить ювелирный? – с опаской спросила София.

– О нет! Если грабить, то только банк. А их фуфло, – кивнула она в сторону магазина, – попробуй продай. Послушай, что за дерьмо ты купила? В моем возрасте столько никотина не употребляют.

– В твоем возрасте вообще не курят, – парировала Софийка. – Это даже неприлично – курить старушке.

– Не учи жить, – флегматично осадил внучку Ксения Николаевна. – Сколько там натикало?

– Без пяти одиннадцать.

– До прихода на обед наших володавов мы успеем посетить еще одну ювелирную мастерскую. Лоуи такси, прокатимся.

– Ты транжира, – полушутя упрекнула ее София и пошла к дороге.

Казимир Лаврентьевич очнулся, водил ничего не понимающими глазами вокруг. Он лежал на стареньком диване в комнате сторожей, два человека в белых халатах что-то собирали со стола. Сквозь туман увидел знакомое лицо, узнал сына, застонал:

– Генрих... Генрих...

– Папа, лежи спокойно, тебе нельзя волноваться, – склонился над ним сын.

Казимир Лаврентьевич, прикрыв отяжелевшие веки, восстанавливал в памяти утро. Он отчетливо помнил начало сегодняшнего дня: позавтракал с сыном, потом они приехали в мастерскую. Но сначала проследил, как в соседнем магазине готовятся к открытию, выкладывают на витрины украшения. Так начиналось каждое утро Казимира Лаврентьевича. А что было после? Мастерская... Он открыл и закрыл сейф, взял на шлифовку кольцо. Он давно мог не корпеть над поделками из золота, но это так увлекательно, когда из-под твоих рук из куска желтого и бесформенного металла выходит изысканная вещица, очаровывающая душу, радующая глаз. Казимир Лаврентьевич мастер своего дела, поэтому у него всегда есть заказы. Часто клиенты приносят камни, чтобы... Вспомнил!

В волнении старый ювелир приподнялся на локтях, лицо его перекосила страдальческая гримаса:

– Генрих! Где она? Где...

– Папа, успокойся, тебя сейчас отвезут в больницу...

Услышав про больницу, Казимир Лаврентьевич догадался, что люди в белых халатах не кто иные, как врачи. Зачем они здесь появились – не знал, но отправляться с ними никуда не собирался. Он резко сел, хотел вскочить на ноги, однако сердцебиение не позволило.

– Будьте благоразумны, – сказала ему женщина-врач. – У вас высокое давление...

– Плевать на давление! – проговорил Казимир Лаврентьевич, тяжело дыша. – Я никуда не поеду. Где она, Генрих? Где она?!

– Да кто, папа, кто?

– Старуха! – нетерпеливо выкрикнул тот. – Маленькая худая антикварная старуха! В антикварной шляпке! С антикварным ридикулем! Она была у меня в мастерской... Постой, а что случилось?

– Пожалуйста, не волнуйтесь, – снова вмешалась врач. – В вашем состоянии это опасно.

– Ты, папа, потерял сознание, – начал объяснять сын, пытаясь уложить отца. – Старуха позвала меня, я вызвал «Скорую». Сейчас принесут носилки...

– А она? Куда она делась? – закричал ювелир, побагровев.

– Ушла.

Казимир Лаврентьевич упал на диван – ему снова стало плохо.

Мужчина с миндалевидными глазами, к одному из которых он приставил монокль, перебирал пальцами кольцо. Ксения Николаевна с напряжением следила за его длинным лицом, а оно находилось в полном покое, лишь раздувались ноздри большого крючковатого носа. Но вот ювелир положил кольцо на стол, долго смотрел на него, еще раз вставил монокль, изучал подвески с крупными камешками. Взглянув на старушку, сначала развел ладони в стороны, а потом дополнил жест словами:

– Мне кажется, это высококачественная подделка.

– Вам кажется или вы убеждены? – уточнила Ксения Николаевна.

– Простите, как вас зовут?

– Ксения Николаевна.

– Понимаете, Ксения Николаевна, я боюсь ошибиться. Нужна тщательная проверка, а для этого мы вынимаем камни...

– Э, нет. – И она протянула руку в окошко за колье. – Я не позволю вынимать камни. А примерную стоимость вы можете назвать?

– Послушайте. – Ювелир взял тон, каким разговаривают с недоумками, а колье отодвинул, дабы костлявые пальцы старушечки до него не достали. – Чтобы оценить ваше колье, нужно сначала убедиться в подлинности камней. Если это подделка, то стоимость будет одна. Если камни настоящие, то... стоимость определить будет еще сложнее. В природе существуют похожие камни, при искусной огранке они могут выглядеть как драгоценные, что способно ввести в заблуждение даже опытных ювелиров. Диагностика – сложный процесс.

– А вот эти бесцветные камешки разве не бриллианты?

– Не берусь сказать с ходу.

– Вы же ювелир! Кому как не вам определять подлинность камней?! – разволновалась Ксения Николаевна: ее задел тон мужчины.

– Это заблуждение, – усмехнулся тот снисходительно, что дополнительно оскорбило владелицу колье. – Ограненные бриллиантовой гранью хрусталь и кварц почти невозможно отличить от настоящего алмаза. Кроме того, сейчас искусственно выращивают кристаллы очень высокого качества...

– Ну, уж вы хватили! – раздраженно сказала старушка-посетительница, сама чувствуя, что ведет себя, как девочка. – Этому колье лет сто пятьдесят, не меньше. В те времена искусственно не выращивали камни, насколько мне известно.

– А как попало к вам колье, Ксения Николаевна?

Двадцать лет назад

Кто бы мог подумать, что обычную простуду не удастся вылечить? А может, так было надо, всего-то подошел срок, как подходит ко всем людям в определенный час, независимо от возраста?

Ксения Николаевна задремала за столом, положив на руки голову, сквозь дрему услышала:

– Ксения! Ксюша...

Она присела на край кровати и взяла мать за кисть руки:

– Что ты хочешь, ма?

– Я умираю, Ксюша...

Матери исполнилось восемьдесят три года. Но она была крепкой – даже в таком возрасте отличалась хорошим здоровьем и светлым разумом. Ксения Николаевна, тогда пятидесятилетняя женщина, которой никто не давал больше тридцати семи, склонилась над матерью:

– Не говори так, ты сильная... поправишься...

– Ксюша, у меня мало времени, помолчи, – хрипло сказала мать. Она все время хрипела, что тревожило Ксению Николаевну. – Я стара, мне умирать не страшно. Дом оставляю тебе. Но не вздумай пустить сюда своего зятя, останешься на улице...

Дочь Ксении Николаевны давно была замужем, а никак не могла родить, что сердило зятя. Своего жилья у Ариадны не было, они жили в общежитии, но мать Ксении Николаевны наотрез отказывалась поселить внучку и ее мужа в доме.

Лежащая женщина приподнялась, вынула из-под подушки старый ридикюль, открыла его:

– Возьми вот... Это очень дорогая вещь.

На ладонь Ксении Николаевны легло ожерелье, сверкавшее даже при тусклом свете. Она с удивлением рассматривала украшение, а мать говорила:

– Не показывай его никому. Но если будет туго... не жалея, продавай, хотя... от него трудно избавиться. Это колье унесло много глупых жизней, оно выбирает тех, кому хочет принадлежать. Когда-то выбрало меня... Теперь оно твое. Еще здесь, – прижала она ридикюль к груди, – есть вещичка... ты поймешь... после, когда я уйду. Прости меня, я была плохой матерью. Но ты была прекрасной дочерью. А теперь позови священника.

– Где ж я возьму его, мама? – сквозь слезы проговорила Ксения Николаевна.

– В церкви. Иди. Там всегда кто-нибудь есть... подкажут, где живет священник... Потопись, я не хочу умереть без покаяния и отпущения грехов...

Ксения Николаевна боялась оставить мать одну, но воля умирающей – закон. Ночь только-только начала переход к рассвету, еще не погасли звезды. На улице было тихо и безлюдно, а она бежала к церкви – это далеко – со всех ног. Когда уставала, переходила на шаг, чтоб отдышаться. Весна выдалась холодная, но Ксении Николаевне было жарко, она расстегнула пальто, сняла шарфик и бежала, плохо видя перед собой дорогу – мешали слезы. Она горько плакала, ведь уходила ее мать, навсегда уходила...

– Хм, – поджала губы Ксения Николаевна, глядя на ювелира с высокомерным негодованием. – Надеюсь, вы не думаете, что я его украла? Нет? И на том спасибо. Колье мне передала моя мама перед смертью. Это ее вещь. В советское время она не показывала украшение никому, потому что его могли... э... экспроприировать. Ну, отнять. Я хотела бы знать, сколько сейчас стоит эта вещь.

Ювелир снова задумался. Едва касаясь кончиками пальцев камешков колье, лежащего на полированном столе, отдергивал их, будто от небольшого тока, пальцами второй руки потирал тяжелый подбородок и рассеянно смотрел на ювелирное изделие. Ксения Николаевна отметила, что пальцы у него аристократичные – тонкие и очень длинные, с заостренными кончиками. Удивилась: пальцы аристократа, а лицо грузчика... И манеры люмпена...

– Здесь не хватает трех камней, – наконец сказал он. – Куда они делись?

– Выпали, наверное. Ко мне колье попало в таком виде.

– Я вот что думаю... Если вам не срочно, то подождите немного. Ко мне приедет друг, он работает на ювелирном заводе. Уж он не ошибется.

– А сколько ждать?

– Неделю, может, две. У вас есть телефон? Давайте, я запишу и позвоню вам. Мне самому любопытно, что это за камни. – Ксения Николаевна колебалась. Тогда мужчина, усмехнувшись, сказал: – В нашем городе нелегко определить истинную ценность колье. Эта вещь очень старая, так? Значит, если камни настоящие, при оценке будет учитываться и историческая ценность изделия. Возможно, придется выяснять имя мастера. Это уже должны делать эксперты, а не просто ювелир. Так что оценка вашего колье – сложный процесс. Вы понимаете?

– Думаете, я идиотка? – отбрила его Ксения Николаевна.

– Я не хотел вас обидеть. Вот, возьмите мои телефоны. Рабочий и домашний. Позвоните сами через неделю.

Ксения Николаевна взяла визитку, поблагодарила и вышла из мастерской.

Переступив порог собственного дома, старушка и ее внучка носились со скоростью вентилятора. Ксения Николаевна снимала одежду и бросала там, где сняла. София подбирала вещи и засовывала их в шкаф в комнате бабушки, одновременно переодевалась в домашнюю одежду.

Надев ночную сорочку, Ксения Николаевна запрыгнула в постель, натянула одеяло до подбородка:

– Уф, успели.

– Ба! – взвизгнула Софийка. – Лицо! У тебя покрашено лицо!

Послышался звук мотора – это въезжал во двор автомобиль.

– Чего стоишь? – рявкнула Ксения Николаевна. – Быстро носи лосьон!

София умчалась, тут же прибежала с лосьоном и ватой, бросила бабушке:

– В твоём возрасте краситься необязательно! А ты куришь, пьешь коньяк, неприлично выражаешься, еще и красишься! Сейчас застукают...

– Зеркало! – скомандовала бабушка. – И не читай мне нотаций!

Ксения Николаевна вытерла губы, брови и веки, бросила ватку под кровать, схватила книгу, вперилась в нее глазами... И вовремя это сделала. В комнату заглянула дочь Ариадна:

– А вот и мы. Как ты себя чувствуешь, мама?

– Как можно чувствовать себя в семьдесят два года? – проворчала Ксения Николаевна. – Конечно, плохо.

– Сейчас обедать будем, – сообщила дочь.

Этот диалог происходит между ними постоянно, только меняются слова, обозначающие время суток: «Сейчас будем завтракать... обедать... ужинать...» После дочь приносит еду на подносе, затем уносит. И все. Никаких разговоров по душам, общих интересов. Как будто Ксения Николаевна зверушка, которой, кроме еды, ничего не надо.

– Знаешь, Ариадна, – сказала она дочери, – ты наверняка устала, пусть София принесет обед, а потом уберет.

– Да? Ты так думаешь? Хорошо.

Ариадна закрыла дверь, а Ксения Николаевна буркнула:

– Кажется, я подала ей идею спихнуть заботу обо мне полностью на тебя, дорогая. Черт меня дернул за язык!

– Тише, услышат, – предупредила девушка, подсаживаясь на кровать к бабушке. – Они давно спихнули тебя, ты разве не заметила?

– София! – позвала Ариадна. – Обедать!

– Мне принесешь, когда они уберутся, – бросила бабушка, надевая очки. Как это дочь не заметила, что книжку она якобы читала без очков? – Терпеть не могу есть в одиночестве.

– Хорошо, – улыбнулась Софийка и ушла.

Ксения Николаевна прикрыла веки, задумалась.

Судьба часто щекотала ей нервы разнообразием. Первый муж Ксении Николаевны погиб на границе. Второй умер от туберкулеза, с третьим она развелась, четвертый... С четвертым не расписывалась, а потом сбежала от него с красавцем, но шулером, который вскоре сел в тюрьму. Пятый... или шестой? Мужчин в жизни Ксении Николаевны было много, и все безумно любили ее. Она была хороша собой, легка в общении, умела подать себя. Да, пожила она на этом свете, хорошо пожила! Однако подходит время, когда хорошее кончается и следует подумать о будущем. Нет, Ксения Николаевна умирать пока не собирается. Вот устроит она счастье Софийки, тогда, может быть, подумает о переходе в вечность. А пока – извините, госпожа смерть, у нее есть еще дела в этом мире, они более важны, чем вы.

Звук мотора возвестил, что зять и дочь уехали. В комнату с подносом вошла Софийка, осторожно поставила его на стол. Ксения Николаевна словно не заметила ее, отрешенно смотрела в книгу и не видела там ни строчки.

– Ба, я принесла обед, – окликнула ее Софийка, усевшись на стул.

– Прости, дорогая, я задумалась.

Ксения Николаевна спустила ноги с кровати, сунула их в тапочки, набросила махровый халат, сняла очки и пододвинула к себе поднос с тарелками.

– А можно я посмотрю на колье? – спросила внучка.

– Конечно, – ответила она, приступая к обеду. – Ридикюль под подушкой.

София взяла сумочку, осторожно открыла. Ридикюль – настоящая сокровищница, только бабушке известно, что хранится в нем. София до недавнего времени о его существовании и не подозревала, а в руки взяла впервые, поэтому, приоткрыв, с затаенным дыханием смотрела внутрь минуту-другую, будто оттуда вот-вот выпрыгнет некая тайна. Но внутри не было ничего особенного, кроме фотографий и документов, парочки коробочек и колье. Его София вынула двумя пальчиками, разложила на одеяле.

– Красиво, – сказала внучка. – Неужели оно ненастоящее?

– Его не так надо рассматривать. Дай сюда. А теперь присядь и повернись ко мне спиной. – Она застегнула колье на шейке Софийки и слегка оттолкнула ее. – А теперь посмотришь в зеркало.

София подскочила к круглому зеркалу, висевшему на стене, чуточку спустила с плеч кофточку и, поворачивая голову то вправо, то влево, залюбовалась переливами камней. При дневном освещении они сияли скромно, вздрагивали от поворотов, дрожали от дыхания девушки. Но стоило попасть на колье солнечному лучу, как камни вспыхивали резким стальным огнем и слепили глаза. Ксения Николаевна перестала есть, завороченно следя за внучкой.

– Ты прекрасна, ангел мой, – проговорила она.

– А какая она была, прабабушка? – спросила внучка, не отрывая взгляда от зеркала.

– Потрясающе красива, мужчин с ума сводила. К сожалению, ни я, ни твоя мать не унаследовали ее божественной красоты. Разве что ты чуточку похожа на нее. Но красота, милая, это не только губы, глаза и нос. Это еще что-то такое... неуловимое, идущее изнутри... нечто колдовское. Кстати, у меня есть ее фотографии. Хочешь взглянуть?

– Ну конечно! – обрадовалась Софийка и запрыгнула на кровать, уселась по-турецки. – С твоей стороны, это бессовестно – до сих пор не показать мне прабабушку.

– Да все недосуг как-то было, – сказала Ксения Николаевна, снова надевая очки. – Я занималась твоим воспитанием – личным примером показывала, какой не надо быть.

– Уж точно, – шутливо вздохнула девушка. – Если б я брала пример с тебя, давно бы курила, пила и неприлично выражалась.

– Хватит, хватит! – недовольно всплеснула руками Ксения Николаевна. – Иногда мне кажется, что это я – твоя внучка, а ты – моя занудливая бабка. К старости невыносимой станешь.

– Ну, до старости мне еще далеко, – отмахнулась Софийка.

– Так только кажется. Годы, ангел мой, летят, как чокнутые. И куда, спрашивается, несутся? Вот, взгляни. Здесь ей тридцать.

На пожелтевшей фотографии София увидела сидящего мужчину в форме белогвардейского офицера, с маленькими усиками, а рядом с ним стояла потрясающе красивая статная женщина с огромными глазами и великолепными волосами, уложенными в пышную прическу. На обратной стороне фотографии надпись: «Харбин. 1929 год».

– Харбин? – удивленно вскинула глаза внучка. – Где это?

– В Китае. Куда ее только не забрасывала судьба! Харбин был прибежищем белой контры, как говорили в советское время. На самом деле это были несчастные люди, изгнанники, которые хотели жить и мечтали вернуться на родину.

– Поэтому папа говорит, что ты и твоя мать – недорезанная контра?

– Твой отец болван! – взорвалась Ксения Николаевна. – Хам и невежа. Природа надежно защитила его мозг от ума, а душу от нравственных изысков. Да он попросту свинья! Так говорить о моей маме и обо мне...

– А это мой прадед? – спросила Софийка, оставив возмущения бабушки без реакции. – Значит, мои предки дворянских кровей? Ух ты!

– Нет. Твой прадед вот, – протянула бабушка фотографию. – И перестань говорить про дворянскую кровь! Противно, честное слово. Иногда видишь чье-нибудь милое крестьянское лицо, и вдруг это лицо начинает утверждать, будто оно – княжеских кровей. Глупо!

Снимок неплохо сохранился. Люди на нем были запечатлены крупным планом – по пояс. На фотографии та же женщина, только постарше, а рядом с ней плечистый мужчина со спокойным, открытым лицом, с шевелюрой кудрявых волос.

– Ба, расскажи мне о них...

– Не сейчас, дорогая. Это тяжелый рассказ. И сказочный одновременно. А связан он с нашим колье. Потом как-нибудь. Знаешь, что я сделаю? – вдруг хитро сощурилась бабушка. – Пока не приехал специалист по камням, попытаюсь продать картину.

София перевела глаза на стену и покачала головой:

– Ба, ее не купят.

– Отчего же? Это настоящий шедевр, а сейчас много любителей старины. Завтра же понесу ее в банк. Их должна заинтересовать тематика.

Софийка унесла поднос, а Ксения Николаевна взяла колье, легла на кровать и, перебирая камешки, всматривалась в отстреливающие искры...

Ариадна родила единственного ребенка – Софийку. Зять ждал сына, но больше детей не получилось. Единственную дочь отец держал в ежовых рукавицах, не выказывая к ней любви. Как это ужасно – не давать любви ребенку!

Ксения Николаевна в душе презирала зятя, человека нелюдимого, плохо воспитанного и жадного. Только из-за внучки она предложила дочери поселиться в ее доме, не послушав совета умирающей матери. Она полагала, что при ней зять постесняется третировать Софийку, но ошиблась. Он не стал относиться к девочке мягче, а только поделил свою ненависть между дочерью и тещей. Правда, на Ксению Николаевну открыто не наезжал, но ведь далеко не всегда тираны действуют открыто. Как человек низменный, зять действовал исподтишка, настраивал Ариадну против матери, а Ксения Николаевна не из тех, кто сносит хамство. Она не давала в обиду не только себя, но и внучку.

В конце концов в подлой голове зятя зародилась идея продать дом, купить квартиру в центре города, а Ксению Николаевну определить в дом престарелых. С годами и дочь Ариадна стала под стать мужу, правда, пока она не решалась избавиться от матери. И тогда у Ксении Николаевны родилась мысль о мести – она прикинулась немощной, якобы слегла, давая понять зятю, что вот-вот умрет и поэтому незачем сдавать ее в дом престарелых.

Но время шло, а она не умирала. Практичный зять привозил врачей, которые должны были засвидетельствовать документально, что у его тещи расстроен умишко, – хотел свободно распоряжаться ее имуществом. Однако Ксения Николаевна умела расположить к себе врачей, выдавала каскады остроумия, после чего у тех не поднималась рука поставить требуемый диагноз. Но она понимала: однажды зять попросту раскошелится и даст взятку, тогда ее определят либо в дурдом на веки вечные, либо в дом престарелых, а это – смерть для нее.

Ситуация осложнилась еще и тем, что Софийка провалила экзамены в институт. Девушка теперь постоянно выслушивала унижительные попреки отца, и Ксения Николаевна уже не могла защитить себя и внучку. Оставалось ей одно – уйти из дома, забрав с собой единственную внучку. Но уходить ведь надо куда-то, то есть в другой дом... Еще лучше было бы уехать отсюда подальше, чтоб родственнички не нашли их. Тогда-то она и вспомнила, что в ридикюле ее матери лежит колье.

Свечерело. Ксения Николаевна положила колье на стол, потянулась, расправляя плечи. Взглянув на часы, решила выйти во двор подышать свежим воздухом, ну и покурить заодно. Как человек, тонко чувствующий атмосферу вокруг себя, она вдруг ощутила спиной чей-то взгляд. Ксения Николаевна замерла, затем, будто о чем-то глубоко задумалась, повернулась

лицом к окну. Взгляд ее рассеянно прошелся по окну, но за стеклом ничего, а вернее, никого она не увидела. Однако уверенность, что в кустах сирени притаился человек, не пропала.

Ксения Николаевна вышла во двор, набросив на плечи пальто, заглянула за угол дома и крикнула:

– Кто здесь?

Кусты сирени зашелестели, потом все стихло...

2

Казимир Лаврентьевич отказался от госпитализации наотрез, и два последующих дня он рылся в личных архивах, вместо того чтобы лежать в покое. Старый ювелир превратился в одержимого некоей идеей человека, но не посвящал домашних в тайну того, что он ищет.

На третий день вечером Генрих вошел в кабинет, опустил в кресло и долго наблюдал за отцом. Тот сидел за столом, благоговейно листал желтые страницы потрепанной тетради в твердом переплете, останавливая внимательный взгляд на каждой. Генрих слегка привстал и вытянул шею, стараясь рассмотреть, что в тетради так интересовало отца, но практически ничего не увидел, кроме выцветших строк, написанных мелким почерком. Он снова устроился в кресле, закинув ногу на ногу, затем мягко сказал:

– Папа, может, ты объяснишь, что с тобой происходит?

– А что со мной происходит? – не отрываясь от страниц, пробубнил Казимир Лаврентьевич.

– После приступа ты на себя не похож. Скажи, в чем дело? Мать волнуется, считает, что у тебя наблюдается некоторое расстройство рассудка. Извини, но, похоже, она права.

– Чепуха! – раздраженно бросил через плечо Казимир Лаврентьевич. Потом откинулся на спинку стула, запрокинул голову и, глядя в потолок, прошептал: – Это потрясение. Всего-навсего потрясение.

– И что же тебя так потрясло? Папа, ответь, пожалуйста.

Казимир Лаврентьевич взглянул на сына, затем опустил голову и признался:

– Колье. Колье, которое приносила старуха.

– А что было в том колье странного? Ведь оно тебя чем-то поразило?

– Странно то, что оно существует. Видишь ли, сын... – Казимир Лаврентьевич поднялся, медленно заходил по комнате. Голос его дрожал, и вид был несчастный. – Это колье – уникам, неповторимое создание мастера, воплотившего творческую мысль. Поток искр и переливов, фейерверк отшлифованных граней, завораживающее глаз колдовское сияние... Взяв его в руки, я сразу обратил внимание на центральный камень. Я узнал его по описаниям, хотя никогда ранее не видел. Свет, падающий на него через коронку, отражается от граней павильона и сияет божественно. Ты испытываешь потребность созерцать, не выпускать его из рук. Этот камень как бы переселяет твою душу в себя, он отнимает... тебя у самого себя. И когда переводишь взгляд на подвески, потом на оправу, на цепочки из камней – сомнения уже летят прочь. Да, это те камни...

– Папа, – осторожно выговорил сын, испугавшись, что отец действительно слегка тронулся, – какие камни?

– Бриллианты, – бросил как-то осуждающе Казимир Лаврентьевич, словно не понимать, о чем идет речь, может только совсем недалекий человек.

– Ты меня удивляешь! – поразился сын. – У нас один из лучших ювелирных салонов в городе, бриллиантами завален прилавок...

– Глупый мальчик! – с жалостью усмехнулся Казимир Лаврентьевич. – В магазине лежат скромные осколки настоящих шедевров природы. Это ширпотреб, который покупают разбогатевшие выскочки и радуются, что приобрели ценность. А истинно ценный камень... он неповторим.

– Насколько я помню, ожерелье старухи из цветных камней.

– В этом как раз его прелесть! – Старый ювелир вдруг подлетел к сыну с вопросом: – Ты видел его?

– Даже в руках держал.

– И что ты чувствовал? – У Казимира Лаврентьевича загорелись глаза, задрожал голос. – Ты почувствовал магическую силу, обволакивающую твой мозг, когда от граней отстреливают переливы? Ощутил желание обладать этими сверкающими искристыми камнями?

– Я ничего не чувствовал. Мне вообще тогда показалось, что старуха принесла стекляшки, – сказал сын, плохо скрывая негативное отношение к одержимости отца. – Ты лежал без сознания, я занимался только тобой.

– Жаль, – вздохнул Казимир Лаврентьевич. – Тогда ты не поймешь, почему это кольцо стало причиной смерти нескольких человек.

– Папа, ну кто же не знает, что не только ювелирные украшения, но даже необработанные драгоценные камни представляют собой источник и благ, и бедствий? Они стоят немалых денег, поэтому их воруют, из-за них убивают, предают. Так было, и так будет.

– Чепуха! – воскликнул Казимир Лаврентьевич, заходив в возбуждении по кабинету. – Это только одна сторона медали, но есть страсть посильнее. Сейчас... – Он вернулся к столу, надел очки и с особым трепетом взял в руки тетрадь, затем упал в кресло. – Чуть позже расскажу, почему я еще много лет назад заинтересовался этим колье. А сейчас, если желаешь, прочту тебе кое-что... Датируются эти записки тысяча девятисотым годом. Ты готов? Тогда слушай...

Больше века назад

«В ту пору мне было тридцать пять лет. В марте месяце, третьего числа, 1877 года, едва вернувшись из Москвы в Петербург, я получил записку:

«Милостивый государь, Влас Евграфович! Однажды Вы меня выручили, проявив великодушные и щедрость, достойные уважения и восхищения. С моей стороны, обращаться к Вам в том положении, в коем я оказался, было бы бестактностью, однако меня вынудили к тому трагические обстоятельства. Нижайше прошу Вас навестить меня в тюрьме, где содержусь под стражей. С искренним уважением, Арсений Сергеевич С.».

Надо ли говорить, что меня крайне удивило послание Арсения Сергеевича Свешникова, род которого ведется от столбовых дворян? Он не написал своего титула, как пишут люди его происхождения, не поставил росчерка подписи, стиль письма был по-мещански униженным – очевидно, таким образом он приравнивал меня с собой. Тем более было странным его обращение к купцу и фабриканту, не имеющему, кроме денег, ничего. Впрочем, деньги уже тогда открывали двери в общество людям неблагородного происхождения, каковым являлся и я. И только скрытое, брезгливое презрение изредка замечалось мною в глазах высокой знати. Однако знать нищала, ибо привыкла к праздности, а купечество, привыкшее к труду, обогащалось. Знать была вынуждена с нами считаться, а некоторые с удовольствием породнились бы.

Из записки мне стало ясно, что Арсений Сергеевич нуждается в помощи, но в чем она должна состоять, я, разумеется, не представлял. Признаться, меня насторожило заключение его в крепость, я заподозрил, что он связан с тайной организацией, коими наводнился Петербург, да и Москва кишела революционно настроенными людьми. Все это были весьма занятные люди – неопрятные, грубые, с большими лицами. Они жили прячась, распространяли листовки, надрывно кричали о социализме, о всеобщем братстве, время от времени бросали бомбы в тех, кто, по их мнению, был источником зла. Я не понимал: как при помощи одного зла – бомбы – можно искоренить другое зло? Почему дорога к всеобщему счастью должна пролегать через кровь? А именно к этому призывали социалисты. Я не понимал, в чем должно состоять равенство. В том, чтобы князь сморкался в пальцы, а не в платок? Или чтобы графиня выплясывала трепака с рабочим? Или знать должна поменяться местами с низшими сословиями? Смешно, ей-богу. С детства я привык к труду. В поте лица своего трудились мой дед и прадед, в труде я видел свое счастье. А когда дело поставлено крепко и процветает, с тобой считаются и высшие и низшие сословия. Вот тебе и равенство! Так зачем социализм? Чуждые мне идеи о социа-

лизме и равенстве никак не увязывались и с Арсением Сергеевичем Свешниковым. Но я сел в экипаж и поехал к нему.

Знакомство наше состоялось за карточным столом в октябре месяце. К тому времени я обосновался в Петербурге, купил дом. Фабрику приобрел много ранее, подумывал выкупить и завод, но, дабы не сотворить ошибки, решил вначале изучить дело. Посему и отправился за границу, где по этой части имелся богатый опыт. С полгода я отсутствовал и вернулся в Россию в августе.

Я сразу обратил внимание на молодого человека за ломберным столом. Он был хорош собой, высок и строен, одет по моде, но излишне азартен. Играл я недолго. Собственно, мои походы в игорные дома имели целью завести полезные знакомства и приучить свет к новому лицу из низов. Надо сказать, я был не первым фабрикантом, сунувшим свою бороду в высший свет, оттого ко мне быстро привыкли, а мой капитал проложил дорогу в либеральные дома. Я отсел от стола, читал газету, когда за ломберным столом произошли обычные события – кто-то выиграл, кто-то проиграл. Молодой человек проигрался, а денег у него не было. Он горячился, клялся, что заплатит долг через две недели, но тот, кому посчастливилось выиграть, отказывался ждать. Молодой человек был в отчаянии. А мне известны случаи, когда проигравшийся игрок пускал себе пулю в лоб иногда прямо в зале. Я полюбопытствовал у господина, сидевшего подле меня, кто этот молодой человек. Он ответил:

– Граф Свешников, двадцати пяти лет от роду. Богат, однако состояние принадлежит его отцу. Получил военное образование, но служить не стал, проматывает деньги, которые дает ему отец на содержание. Азартен без меры, к тому же дуэлянт.

Не могу объяснить, чем была вызвана моя мгновенная симпатия к графу Свешникову, но мне вдруг стало жаль его. Я подошел к столу и спросил, сколько он должен. Оказалось – семьсот рублей. Я достал ассигнации, положил на зеленое сукно стола со словами:

– Я уплачу долг.

Молодой человек искренно поблагодарил, представился и заверил, что долг непременно вернет – отец выдает ему раз в две недели некоторую сумму. Далее мы разговорились, его не смутило мое крестьянско-купеческое происхождение. Казалось, он даже пришел в восторг от этого, притом не фальшивил, не старался угодить по причине того, что я выручил его. Он положительно нравился мне: в суждениях обнаружил ум, в нем угадывалось редкое достоинство, не оскорбляющее собеседника. Пожалуй, его единственным недостатком была азартность заядлого игрока, оттого он являлся постоянным должником.

Затем раза три мы виделись в опере, где я купил ложу, встречались на прогулках в воскресные дни. Долг он вернул. По моим наблюдениям, граф Свешников вел праздную жизнь, но месяца два назад он сообщил мне, что уходит из-под опеки родителя и поступает на военную службу – намерен участвовать в турецкой кампании под начальством Цесаревича, великого князя Александра Александровича. Немногим позже я встретил его в форме офицера, он был удивительно хорош, жизнерадостен. Вот, пожалуй, и все.

Каземат, где содержали графа Свешникова, произвел на меня самое удручающее впечатление. Этот красивый молодой человек казался инородным телом в каменном застенке, рассчитанном на одного заключенного. Глядя на его благородные черты – прямой и тонкий нос, большие и светлые глаза, высокий лоб, чуть заостренный сильный подбородок с ямочкой, любострастные губы, – я вынужден был признать, что подобные лица редки даже среди знати, а уж в народе вообще не встречаются.

– Арсений Сергеевич! – воскликнул я. – Что привело вас к такому униженному положению? Неужто вы политический...

– Полноте, Влас Евграфович, – сказал он, опустив голову. – Я так же далек от политики, как и вы. – И вдруг тихо проронил: – Я убил человека... троих.

Его признание было диким и нелепым, никак не вязалось с ним. Но тот факт, что он очутился в тюрьме, подтверждал признание. Полагаю, он вызвал меня, чтобы облегчить душу и услышать слова утешения, но таковых слов у меня не находилось. Да и что я мог сказать? Убийство оправдано в одном случае – на войне. Здесь же, в Петербурге, убийство – чудовищное преступление.

Тем временем граф Свешников скоро ходил по каземату от стены к стене, сложив руки на груди. Наконец он стал напротив меня:

– Не согласитесь ли выслушать меня, Влас Евграфович?

– Да-да... – закивал я, обрадовавшись, что он избавил меня от лживых слов утешения.

– Помните, мы были в опере? Я представил вам тогда баронессу фон Раух...

Как же не помнить! Баронесса Агнесса фон Раух прибыла в Петербург в конце сентября, окружила себя тайной и представляла собой эдакий манфредовский тип. Когда мужчина ведет себя с высокомерным превосходством, это сносно: он дает понять обществу, что независим и бунтует против сложившихся традиций. С возрастом это проходит, а колье не проходит, то такому человеку стоит выразить сочувствие, ибо он развивался однобоко. Но Манфред в юбке с турнюром и декольте – это никуда не годится. А баронесса была такова: независима, горда, эпатазирующе презрительна. Наверняка прочитала все порочные книжки Поля де Кока! В свет она выходила в сопровождении постоянного спутника – толстопузого низкорослого старика на тонких ногах. Он не был ее мужем, что всячески подчеркивалось баронессой, хотя и звался барон фон Раух. Поговаривали, будто родом оба из Германии, но уж больно хорошо она говорила по-русски. Спутник ее картавил и произносил слова очень плохо, впрочем, он чаще говорил по-французски или по-немецки, считая, видимо, русский язык грубым и варварским. По мне, так варварством являлось его отношение ко всему русскому – воспитанный человек не должен презрительно говорить о стране, которую имеет честь посетить.

Кстати, он мне показался даже вовсе придурковатым – невпопад хихикал, напевал под нос, не договаривал мысль, а то и сердился без причин. Разве подобное поведение достойно барона? Сложилось мнение, что Агнесса фон Раух красавица, но я этого мнения никогда не разделял. Черты ее лица были излишне остры, волосы излишне черны, глаза смелы, ну а фигура... фигура легко исправляется корсетом. Впрочем, то, что о баронессе ничего не было известно, и еще ее свободное поведение, очевидно, и украшали эту даму. Лет ей было тридцать с небольшим, но влюблялись в нее юнцы.

Представил меня баронессе Арсений Сергеевич в антракте. Обычно она не удосуживалась снизойти до беседы с малознакомыми мужчинами, но со мной говорила охотно...

– Разумеется, помню, – сказал я графу Свешникову.

– Она принесла мне несчастье! – воскликнул он нервически.

Я человек земной, лишен романтики и не верю, что женщина способна принести несчастье. Оттого воспринял фразу Арсения Сергеевича как проявление слабости, как жалкую попытку переложить свое разочарование на даму. А он тем временем продолжил:

– Из-за нее я расстался с Машей, и теперь вот... я здесь... Вы тогда, в тот вечер в опере, ничего мне не сказали, что дало право думать о вас как о порядочном человеке... А ведь я поступил дурно: представил вас баронессе, а сам ушел, потому... потому что назначил свидание в вашей ложе...

Я припомнил тот вечер. Войдя в ложу после антракта, я застал странную картину: Арсений Сергеевич и юная фея в розовом платье собирали с пола жемчуг. Думаю, порвалась нитка, жемчуг посыпался на пол. Меня тогда удивило, что эта девушка очутилась в моей ложе, но я действительно ничего не сказал по сему поводу, а помог собрать жемчуг. Я пересыпал его в ладошку Мари Белозерской, и меня поразила ее рука, которая дрожала даже через перчатку. Но ее глаза поразили еще больше – они были прекрасны и полны слез. Мари поблагодарила меня

и убежала. Все это было очень странно. Вспомнив тот случай, я подумал: «Неужели любовная история привела этого человека к убийству? Как глупо».

– Меня околдовала Агнесса, я готов был ради нее на все, – тоном раскаяния говорил между тем Свешников. – Но Агнесса не способна любить. В ней живет другая страсть. Когда она увидела на княгине Юсуповой бриллиантовое кольцо, с ней едва ли не случилась истерика. Она потребовала сопроводить ее домой и всю дорогу о колье лишь и говорила. Я воспринял ее болтовню капризом, который легко удовлетворить, и на следующий день подарил булавку с прекрасным солитером, доставшимся мне от деда. Она приняла дар, долго любовалась камнем, но сказала, что бриллианты хороши, когда их много. Тогда я понял: ее настоящая страсть – камни. Я сам азартен в игре, поэтому принимаю в других людях недостатки. Выигрывая в карты, непременно хочется выиграть еще. Так и в данном случае – привыкнув к блеску драгоценностей, человек начинает ощущать жажду иметь вещь бесподобной красоты. Страсть баронессы погубила меня.

– Вы хотите сказать, что ограбили... – Не верилось мне.

– Нет-нет, как вы могли подумать! Агнесса задалась целью получить кольцо, превосходящее по красоте бриллианты княгини Юсуповой. Я пытался отговорить ее от безумной затеи, ведь состязаться в роскоши с княгиней глупо. Агнесса обиделась на мои слова и заявила, что, ежели у меня не хватит денег, барон добавит сколько потребуется. Но кольцо у нее должно быть непременно. Главное – найти мастера.

– Простите, что перебиваю вас, а ее... спутник... Как он смотрел на капризы баронессы? Насколько мне известно, они проживают в одном доме...

Я не посмел высказать мысль вслух, но подозревал, что барон фон Раух не просто спутник баронессы, а содержит ее. Содержанка, живущая за счет любовника, подвергалась всеобщему презрению и порицанию: продавать тело и потворствовать похоти – это грязно. Да, я почему-то пришел к такому мнению, но мне не хотелось оскорблять даму предположениями, да еще в присутствии человека, равнодушного к ней.

– Он весьма странный господин, – помрачнел Арсений Сергеевич. – Я ведь имел намерение жениться на Агнессе вопреки воле родителей...

– Помилуйте, она же много старше вас!

– Да... – Свешников потер грудь, словно у него защемило сердце, и присел на кровать. – На меня нашло помутнение рассудка. Верил бы я в могущество чар и в колдовство, не было бы сомнений, что она околдовала меня.

– И чем же был странен этот господин? – отвлек я молодого человека от тяжелых воспоминаний, но, оказалось, сделал только хуже.

Он поднял голову и вдруг с отчаянием произнес:

– Потому что он был ее мужем. Вы удивлены? Зачем Агнессе лгать... И ему... Но так я думаю сейчас, а тогда был потрясен. Она уверяла, что ее замужнее положение не помеха нашим встречам, что это было ее условие, когда выходила замуж за барона, – свобода. И по приезде в Россию она просила мужа оставить их брак в тайне.

– Я, признаться, не понимаю...

– Я тоже. Очевидно, Агнессе нравится шокировать свет, который она глубоко презирает. Однажды, когда мы были с ней близки... Влас Евграфович, не сочтите мои откровения за недостойные и порочащие честь женщины... но... рассказывая вам, я хочу разобраться... возможно, с вашей помощью. Мне больше не к кому обратиться! Отец отказался от меня... я остался один.

– Слушаю вас, – сказал я как можно мягче, подозревая, что произошло нечто исключительное. Собственно, об этом говорило поведение графа и то, с каким трудом давались ему признания.

– Так вот. В ту ночь мне показалось, что кто-то прячется за шторой... – проговорил он хмуро. – Это был барон. Я пришел в бешенство и едва не убил его на месте. Меня удержала Агнесса – она прогнала старика, тогда же и призналась, что он ее муж. Кстати, недавно он умер, вам это известно?

– Нет. Я был месяц в отъезде, еще не успел узнать последние новости. По приезде нашел вашу записку и сразу приехал к вам.

– После его смерти Агнесса сокрушалась, что долго не сможет выезжать в свет по причине траура. Ну а я, не скрою, обрадовался смерти барона, ведь теперь ничто не связывало Агнессу. Но на мое предложение она ответила отказом. Снова отказом! Я был раздосадован. Агнесса мне в утешение сказала, что пока не намерена выходить замуж, может быть, позже, когда-нибудь... Радость ей доставляли лишь украшения. Она брала шкатулку и раскладывала на столе ожерелья, серьги, браслеты... Так я увидел замечательный камень – совершенной красоты и чистоты, примерно в сто карат и прямоугольной формы. В отдельной коробке лежали еще три чудесных камня. Как утверждала Агнесса, эти три камня – части одного очень крупного алмаза, найденного в Голконде. Принадлежал камень правителю Хайдарабада. Не так давно, во время индийского восстания, он был разбит, части его похищены, затем проданы путешественнику из Европы, три крупных осколка ограничились, и в таком виде их купил муж Агнессы, но оправить не успел. Она горела желанием соединить четыре бриллианта в колье, притом не ограничиваться только этими камнями – вокруг них она видела сияние цветных алмазов. Я спросил, есть ли у нее на это деньги. Мой вопрос был неприятен ей, я понял, что допустил бестактность, и попытался найти другую тему. Но Агнесса сказала, что должна со дня на день получить деньги из Германии, и тогда можно будет вплотную заняться колье. Кстати, она любила рисовать. И знаете, что рисовала?

Возможно, я не слишком умен, оттого не догадался, что могла рисовать праздная женщина из высшего света. Я отрицательно качнул головой.

– Она рисовала ожерелья, – усмехнулся Арсений Сергеевич. – Да-да, различной формы ожерелья. Она располагала камни, мастерски изображала переливы и грани. Агнесса пером создавала ювелирные шедевры. Не забавно ли?

– Ежели ее занятие отвлекало от идеи...

– Нет, не отвлекало, – вздохнул мой собеседник. – Она часто рвала рисунки, затем заново бралась за перо... Я подошел к главному. Агнесса была возбуждена, нервна, просила меня порекомендовать мастера, который бы воплотил ее идеи, так как она наконец придумала, как должно выглядеть колье, а денежный перевод получен. Я дал совет заказать его в мастерских Фаберже, чьи мастера выполняют работы для императорского дома, прославились за пределами России. «Да, – сказала она, – они умеют создать великолепие. Но в их работах вокруг камней слишком много отвлекающих деталей, их изделия слишком вычурны. Я же хочу простоты, в глаза должны бросаться только камни. Хочу, чтобы все, кто смотрел бы на колье, удивлялись, как оно держится на шее. И неременное мое условие – чтобы мастер не претендовал на славу. Хочу, чтобы мое колье окружено было тайною». Мне не понятна была ее прихоть, однако такого мастера разыскать вскоре удалось. Мастерам золотых дел живется туго, сбывать драгоценности становится все трудней, а затраты на них огромны, оттого он и согласился на все условия Агнессы.

Арсений Сергеевич замолчал, будто забыв, о чем шла речь. Его напряжение выдавали лишь движения тонких пальцев – они то сжимали край тюремной кровати, то распрямлялись и застывали, словно не знали, за что бы еще уцепиться.

– Мастеру удалось воплотить мечту баронессы? – осторожно спросил я, напоминая графу Свешникову о себе.

Вздвигнув, он очнулся:

– О да. И знаете, что решил он? Оправить камни в белый металл. Платина не отвлечет взгляда, ее стальной цвет подчеркнет сияние камней. Идея привела в восторг Агнессу. Она словно обезумела, ездила к мастеру через день, дабы взглянуть, как идет работа. Случалось, я сопровождал ее и был поражен мыслью мастера. Он, как и хотела Агнесса, нашел применение цветным бриллиантам, которые, казалось, держались действительно будто бы сами по себе. От центрального камня в стороны отходили по две цепочки из бриллиантов, начинавшихся с крупных, по десять карат, а далее все уменьшавшихся. Но цвета он расположил потрясающе – нежно-голубые находились возле главного камня, затем цвет сгущался до синего, переходил в зеленый, яблочный, лимонно-желтый, канареечный, коричневый и так далее. Получалась радуга из алмазов! Внизу главного камня он закрепил три подвески из Голконды. Работа подходила к концу, Агнесса все больше нервничала, похудела от ожидания. Неделю назад... я провел ночь у Агнессы. Ранним утром меня разбудила горничная, сообщившая, что баронесса ждет меня в гостиной. Агнессу мучила бессонница. Когда я вошел в гостиную с тяжелой головой, ибо не выспался, она пила кофе. Именно в этот день мастер должен был отдать колье. Агнесса попросила меня забрать колье, поскольку у нее нет на это сил. Она действительно была бледна, казалось, вот-вот упадет в обморок. Я взял извозчика и поехал к мастеру...

Арсений Сергеевич прервал себя, прикрыл веки, а между бровей у него пролегла складка. Я понял, что он подошел к концу своей истории. Мне было крайне любопытно, что же произошло, почему он стал убийцей. Тем временем Арсений Сергеевич глубоко вздохнул, посмотрел мне в глаза и заговорил быстро, будто осталось совсем мало времени, а ему нужно сообщить мне важные сведения:

– Я приехал к мастеру на дом, позвонил в колокольчик, но никто не вышел. Как же так, думалось мне, ведь позавчера он обещал, что отдаст колье сегодня утром, и я тому свидетель. Постояв в нерешительности и представив, как будет огорчена Агнесса, если я вернусь без колье, я в сердцах схватился за ручку двери. Она подалась, то есть образовалась щель. Странно, что ко мне никто не вышел, ведь дверь была закрыта изнутри на цепочку! Я звонил еще и еще – безрезультатно. Тогда я, немало раздосадованный, вынул перочинный ножик и поддел цепочку. Она упала, я вошел. В квартире мастера стояла полная тишина. Я заглянул в кухню на первом этаже – никого. А дверь черного хода распахнута настежь... Я поднялся в комнаты. Первая комната – столовая, далее ведет дверь прямо в кабинет мастера, а налево, очевидно, в спальню. И тут...

Рассказчик вдруг вскочил, испугав меня резкостью движения, заметался от стены к стене. Я наблюдал, как в нем бушевали смешанные чувства, которые он всячески скрывал, но их, ввиду его нынешнего положения, скрыть было невозможно. Но вот он замер у стены, спиной ко мне. Послышался его хриплый голос:

– Со свету я плохо видел в темном помещении, ведь шторы на окнах были задернуты. И вдруг... нога моя задела что-то мягкое и в то же время упругое. Я слегка наклонился, чтобы посмотреть, обо что споткнулся... На полу лежала кухарка мастера...

Мое воображение рисовало все картины, которые описывал граф Свешников. Я переживал вместе с ним, будто сам побывал в доме мастера. Арсению Сергеевичу было трудно говорить, посему он иногда на длительное время замолкал, затем вновь, набравшись духу, продолжал повествование:

– В ужасе я отпрянул... разглядел, что передник кухарки намок от крови. Мне бы бежать оттуда, но я кинулся в кабинет мастера. В глаза бросился беспорядок, словно мастер решил срочно бежать, доставал ящики из стола, бросал на пол бумаги... Ювелир сидел, упав корпусом на стол, голова его была повернута в сторону. Я увидел его волосы, закрывающие лицо, и подумал, что он без чувств. Я кинулся к нему, поднял его за плечи и тут же отскочил. Лицо и грудь мастера были залиты кровью... Он был мертв. Я повернулся, чтобы бежать, но у входа заметил еще одно тело. Приблизившись, разглядел жену мастера – она сидела, упираясь спи-

ной в стену. Сразу я не заметил бедную женщину, потому что, открыв дверь в кабинет, тем самым отгородил ее от своих глаз. Я кинулся к ней, надеясь, что она все же жива... Но увидел на груди женщины страшную рану. И снова кровь... кровь... кровь...

Свешников отчаянно ударил по стене ладонями, но стены каземата не прошибешь – они крепкие. Я терпеливо ждал...

– Не буду описывать свое состояние, у меня помутилось в глазах. Вдруг рядом с женой мастера я заметил револьвер, взял его в руки. Каково же было мое удивление: я держал в руке собственный револьвер! Уж свое-то оружие невозможно не узнать... Внезапно я слышал торопливые шаги. В той обстановке они показались мне несообразно громкими и страшными. Я выбежал из кабинета, заметался в поисках выхода, но тщетно. Сквозь туман я видел, как в квартиру вошли полицейские. У меня был в руке револьвер, на моем платье следы крови... следовательно, я и убил.

Арсений Сергеевич замолчал, повернулся лицом и выжидающе посмотрел на меня. Его история была невероятной. Я видел переживания молодого человека, и во мне зрела уверенность, что он не способен совершить столь жестокое преступление. Но чем я мог ему помочь?

– Вы мне не верите? – спросил граф.

– Отчего ж... – ответил я. Невыносимо было глядеть на его лицо, перекошенное страданием. Я отвел взгляд, затем подумал, припоминая рассказ, и спросил: – Как же попал ваш револьвер в дом мастера?

– Не знаю, – вздохнул он, опустив голову. – Накануне я играл в карты, там был брат Машеньки, который искал со мной ссоры. Я намеренно избегал стычки с ним, ведь, случись дуэль, я непременно убил бы его.

– Дуэль... – с осуждением покачал я головой. – Это мальчишество.

– Не нами установлены правила, – сказал в оправдание молодой граф.

– Вы скомпрометировали Марию Павловну?

– Мы знакомы с детства. Ее считали моей невестой, хотя официально я не просил руки Маши. Слухи я не опровергал, танцевал с ней на балах, делал визиты к ее родителям. Должно быть, я женился бы на Маше, дело шло к тому, если б не Агнесса. Я бросил Машу, тем самым нанес оскорбление ей и ее семье.

– Жаль. Княжна – прекрасная девушка. Но вернемся к пистолету.

– Мне думается, Дмитрий Белозерский не из-за сестры ввязывался в ссору, а причина тому Агнесса. Он и еще Сосницкий преследовали баронессу, помогали ей... Ну а я стал более удачливым соперником. В последнее время я ходил в военной форме, револьвер держал при себе. В тот вечер, когда брат Маши искал со мной ссоры, то есть перед роковым утром, револьвер был со мной, я точно помню. Но когда он исчез... не могу сказать.

– А что баронесса? Вы виделись с нею после всего?

– Она добилась свидания со мной. Рыдала и умоляла вернуть колье. Послушайте, Влас Евграфович... – Свешников вновь принялся ходить по каземату. – Моя участь предрешена. Пусть не повесят, но каторги мне не миновать. В моем положении... порядочные люди... Вы не могли бы принести пистолет?

– Бог с вами! – замахал я руками. – Что вы такое говорите? И думать не смейте! Следственные приставы непременно разберутся...

– Если б вы знали, как мне тяжело... – проронил он со слезами в глазах. – Никто не верит, что я невиновен, даже мой отец. Агнесса полагает, что я украл колье, что с этой целью убил ювелира, его жену и кухарку. Но ведь при мне не нашли колье! Хорошо, допустим, случится чудо и мне вынесут оправдательный приговор. Но мое имя опорочено, гордость уязвлена... Как мне жить с этим?

– Не стоит так отчаиваться, – сказал я. – Обещаю вам, что переговорю с приставом, который рассматривает ваше дело, и постараюсь убедить его расследовать это тройное убийство тщательнейшим образом.

Я встал. Граф Свешников горячо пожал мне руку, а напоследок высказал просьбу:

– Не соблаговолите передать записку Маше?

– Я не представлен этому семейству, поэтому обещать – обещаю, а вот когда удастся передать... не могу знать.

Мы простились. Тотчас я пошел в следствие, но нужных людей не застал. Потом стал искать предлог нанести визит баронессе. Зачем? Меня тронула печальная история молодого человека, несправедливо будет, если он безвинно пострадает. В его рассказе основное место отводилось баронессе, следовательно, она, как заинтересованное в возврате колье лицо, должна принять участие в судьбе графа Свешникова и помочь ему, а заодно и себе. Предлога не нашлось, ну да я все равно отправился к ней. Откажет – я не гордый человек, поеду домой.

Я прибыл по адресу. На звонок вышел лакей, важно сообщил:

– Барыня не принимают-с.

– А все же доложи, любезный. – И я протянул ему карточку. – Скажи, у меня к ней неотложное дело.

Лакей взял карточку и замер, не мигая, словно мраморный истукан на кладбище, забыв опустить руку с визитной карточкой. Я, признаться, едва не рассердился и не дал ему тумака, но вдруг вспомнил, что передо мной не просто слуга, а слуга баронессы-иностранки. Я усмехнулся, сунул ему целковый, после чего лакей заискивающе заулыбался и попятился задом к двери. Что за противная порода!

Баронесса согласилась принять меня. Я спешно отдал шляпу и трость лакею, бросил ему перчатки, а шубу скинул с плеч прямо на пол – слишком торопился увидиться с баронессой фон Раух. Она встретила меня в домашнем платье, а не в трауре, приветливо улыбнулась, протянув руку для поцелуя, и спросила:

– Что привело вас ко мне, сударь? Признаться, удивлена. Прошу вас, садитесь. Чаю выпьете? – Она позвонила в колокольчик, приказала вошедшей горничной: – Грушенька, чаю!

– Не откажусь, – ответил я, стараясь блюсти приличия и не рассматривать ее, как потешку на ярмарке. Думаю, получилось это плохо. Сам же я был удивлен до крайности. Баронесса не походила на женщину, убитую горем, а ведь у нее, во-первых, муж умер, во-вторых, кольцо пропало, а в-третьих, любовник очутился в тюрьме. Чтобы замаять свою неловкость, я сказал: – Простите, баронесса, вы так хорошо говорите по-русски...

– Так ведь я русская. И давайте без титулов, я же, как и вы, из простых – мещанка. А баронессой стала в Германии. Меня воспитывала богатая дальняя родственница, уехавшая с дочерьми и со мною в Германию, чтобы удачно выдать нас замуж. И выдала. Муж умер...

– Да-да, знаю, – придал я своему голосу печали. – Он умер совсем недавно...

– Бог с вами! Муж мой умер четыре года тому назад.

– Но... ваш спутник... барон... разве он не умер? И разве он не муж вам?

– Барон? – рассмеялась она. – Муж? Бог с вами! Барон Фридрих – брат моего мужа, любезно согласившийся сопровождать меня в Россию. И с чего вы решили, что он умер? Слава богу, он жив и чувствует себя превосходно.

Надо ли говорить, какие смешанные чувства заполнили меня? Я был сражен и ничего не понимал, лишь вымолвил извинительным тоном:

– В свете говорят...

– Да, только свет способен сочинить такие сплетни! – рассмеялась она. – Барон хворал, некоторое время не выезжал, вот вам и причина сплетен. От безделья все. И, наверное, оттого, что я мало кого принимаю, а визитов вообще не делаю. Скучно с ними. Вас вот приняла с

удовольствием. Вы не из общества, и лицо у вас человеческое, а не маскарадная маска. Вы мне интересны.

– Благодарю вас, сударыня.

– А давайте по-простому: Агнесса Федотовна. Надеюсь, и вы не станете возражать, ежели я буду по имени-отчеству вас звать?

– Я только рад... Скажите, Агнесса Федотовна, вам известно, что граф Арсений Сергеевич попал в крайне тяжелые обстоятельства, что он...

– В тюрьме, – закончила она, слегка огорчившись, но не более. – Да, знаю. И ходила навесить его, отнесла смену чистого белья, кое-что из еды.

– Неужто он убил тех несчастных людей?

– Трудно об этом говорить. Мне он был симпатичен, хотя и горяч без меры, вспыльчив, фрондер. Но его застали на месте преступления, что уж тут поделаешь.

– Я только что от него. Состояние Арсения Сергеевича внушает мне опасения. Вы полагаете, что человек прекрасного воспитания способен убить? К тому же колье не нашли при нем.

– Не понимаю, о чем вы ведете речь, – вроде бы удивилась баронесса, и взор ее был действительно непонимающим.

– Как же! – воскликнул я, находясь в растерянности. – Ведь Арсений Сергеевич пошел к мастеру забрать ваше колье, которое вы заказывали...

– Что вы! Я забрала его накануне тех ужасных событий, то есть вечером. – Поскольку лицо мое наверняка выдавало потрясение, она встала. – Погодите...

И ушла. Горничная принесла чай, варенье и мармелад. Я чувствовал, что попал в щекотливое положение, оттого испытывал неловкость и вспотел. Я отер лицо и шею платком, принялся разглядывать гостиную, дабы отвлечься от неловкости. Заметил, что квартира у баронессы скромная, мебель старая. Впрочем, она приехала в Россию погостить, так зачем тратить лишнее, а потом все бросить? С моей точки зрения, подобный подход вполне разумен. Я признал, что для женщины это редкое качество – экономия, как вдруг заметил шевеление шторы.

Вошла Агнесса Федотовна, неся в руках черный футляр.

– Мне кажется, за шторой кто-то есть, – сообщил я тихо.

– Вот скверный старик, – без раздражения сказала она и повысила голос: – Мон ами, тебя разоблачили, выходи уж! Чаю хочешь, Фридрих?

– Я... я... – смущенно проговорил барон в знак согласия, выходя из-за шторы.

– Барон безумно любопытен, я поначалу сердилась, прогоняла его. Но без него мне совсем тоска. Он очень забавен и абсолютно безвреден, простите ему шалость. Садись, Фридрих, и слушай открыто, раз тебе интересно, у меня от тебя секретов нет. Грушенька, принеси еще чашку для барона!

– Агнесс, я хотел кофе! – брюзгливо проворчал барон.

– Тебе нельзя кофе, – строго сказала она. – От кофе у тебя повышается сердцебиение. Чаю выпей. Знаете, Влас Евграфович, родственники не любят барона из-за его любопытства, хотели из него сделать сумасшедшего, а я не дала. Он никому не делал худа. А мне завещал свое состояние, да только я люблю получать подарки, вот и берегу его здоровье. А то, не дай бог, помрет – мне с его родственниками не управиться. Но взгляните, Влас Евграфович.

Она передала мне открытый футляр... и я ахнул. На черной поверхности бархата лежало дивное колье, не похожее на те украшения, которые мне доводилось видеть. Даже человек, мало сведущий в камнях, определил бы, что это редчайшее сокровище необыкновенной красоты. Сразу в глаза бросается крупный камень прямоугольной формы и три подвески потрясающей прозрачности и чистоты. В обрамлении белого металла с цепочками из разноцветных алмазов по сторонам, точь-в-точь по описаниям графа, эти четыре камня сверкали поистине волшебным образом. Думаю, бриллиант невозможно спутать ни с каким другим камнем. Только бриллиант имеет такую способность околдовывать.

– Великолепно, – произнес я, легонько наклоняя футляр в разные стороны, отчего колье сказочно сверкало. – Толк в камнях я знаю, как-никак имею дело на Урале, где и алмазы добывают. И скажу со всей ответственностью: это необыкновенные камни. Наверное, ваше колье баснословной стоимости?

– Да уж, недешевая вещица... – горделиво улыбнулась Агнесса Федотовна, довольная произведенным на меня впечатлением. – Четыре камня мне подарил барон, за то и люблю его, он щедр... Остальные подобрал мастер.

– Простите мое любопытство, Агнесса Федотовна, – не мог я скрыть волнения, – но в чем же причина убийства? Арсений Сергеевич давеча говорил, будто бы поехал за колье и нашел в доме мастера три трупа, а его арестовали...

– Но колье вот, – указала она глазами на футляр в моих руках. – Вечером, накануне убийства, я забрала его, тому свидетель сам Арсений Сергеевич. Право, я не понимаю, зачем ему обманывать вас? Я расплатилась с ювелиром, забрала колье и приехала домой.

– Но как же так? С какой же тогда целью Арсений Сергеевич зашел к ювелиру?

Она повела бровью и позвонила в колокольчик. Когда прибежала горничная, Агнесса Федотовна приказала позвать Созона. Пришел тот самый лакей, встречавший меня на входе, и в миг окаменел, вытянув по швам руки и приподняв подбородок.

– Созон, – обратилась к нему Агнесса Федотовна, – Расскажи-ка, когда и как я забирала у ювелира колье.

– Барыня соизволили... – медлительно начал тот.

– Созон! – со скукой в голосе протянула она. – Как меня следует называть?

– Ее милость барыня Агнесса Федотовна велели заложить карету тому восемь ден назад, – отрапортовал тот. – И поехали-с... ее милость барыня...

– Просто – «ее милость», без «барыня», дуралей, – поправила его она. – Или «госпожа баронесса».

– Ага... – Созон нахмурил лоб, очевидно вычеркивая слово «барыня» из памяти. – Ее милость баррр... Агнесса Федотовна приказали-с везти ее к золотых дел мастеру, что живет недалеко от Большого Гостиного двора, за Садовой улицей...

– А кто со мной в карете ехал? – направляла его Агнесса Федотовна.

Созон закатил глаза к потолку, припоминая:

– Ехали-с его сиятельство граф Свешников и господин барон фон Раух.

– Я... я... – закивал барон то ли своим мыслям, то ли подтверждая слова лакея.

– И приехали, – степенно продолжил Созон. – Бары... Ой! Ее милость баронесса передали-с мне шкатулку и велели идти за нею. Его сиятельство граф Свешников, его милость барон и ее милость... Агнесса Федотовна вошли к мастеру, я следом нес шкатулку. Мастер отдал ее милости вон тую... черную... что господин держит...

– Футляр, – подсказала баронесса.

– Футляр, – повторил он. – А я передал мастеру шкатулку.

– Ступай, Созон, – недовольно махнула баронесса ручкой с платочком.

– Слушаюсь, барыня, – поклонился Созон, развернулся и степенно вышел из гостиной.

– Видали ли вы, Влас Евграфович, подобного болвана? Никак не приучу его к манерам, все норовит по-деревенски...

– Я... я... – снова закивал барон. Он меня порядком раздражал. Будто бы и причин не было, а раздражал, уж не знаю чем!

– Как видите, – говорила баронесса с большой грустью, – ювелир получил крупную сумму золотом и ассигнациями. И произошло это при Арсении Сергеевиче.

Каково, а? Я выслушал две различные истории, ничего не имеющие между собой общего, кроме... колье. И этого мало: при более близком знакомстве с Агнессой Федотовной уменьшилась моя неприязнь к ней. Это была женщина, не похожая на ту, которую я представлял

себе, слушая рассказ графа Свешникова. Я понял, чем она привлекала молодых людей, да и не только молодых, – простотой в общении и кажущейся доступностью, а еще изменчивостью. Подобные женщины редкость, они не похожи на большинство, не скучны. Но разве это не коварные ухищрения умной женщины, имеющей цель завлечь вас в сети?

А граф Свешников? Неужто он искуснейшим образом лгал мне? Да как же это возможно? А слезы, а блуждающий взгляд отчаявшегося человека? Я был потрясен и растерян, не мог собраться с мыслями. С моей стороны задавать следующие вопросы было бы неуместной бестактностью, а они готовы были слететь с языка. Но баронесса сама заговорила о том, о чем я не решался спросить напрямую:

– Арсений Сергеевич – блестящий молодой человек. Однако у него много долгов, а долги кого угодно сведут с ума. Может статься, это и послужило причиной. Граф Свешников-отец дает сыну деньги на содержание, но, очевидно, ему этих денег не хватает – он ведь много играет. Не скрою, мне он очень симпатичен, и однажды Арсений Сергеевич даже сделал предложение... Но я не хочу замуж. К тому же граф Свешников моложе меня, да и невеста у него есть. Ему требовалось удовлетворить честолюбие, после победы он заскучал бы и доставил мне много страданий. А я не люблю страдать. Настродалась в детстве, отрочестве и в юности. Родственница, воспитавшая меня, отличалась самодурством, плохо мне было у нее. Да и замужество мое нельзя назвать счастливым. Теперь хочу жить вольготно, не связывая себя обязательствами. Это предосудительно?

– Думаю, каждый человек волен поступать в соответствии со своими представлениями, – сказал я, отдавая колье и смелее глядя на собеседницу. По изменениям в лице баронессы я надеялся определить, насколько честна она со мною. – Арсений Сергеевич, кажется, любит вас... мучается...

– Да мне-то что за дело до его мук! – вдруг легко подлетела она с канапе и неторопливо заходила по гостиной, но футляр держала открытым в руке и смотрела лишь на свою драгоценность. – Коль Арсений Сергеевич совершил преступление, пусть ответит.

– А ежели не он совершил?

– Но зачем-то он пошел к мастеру! – возразила Агнесса Федотовна. – Должна же быть причина? По мне, так она ясна. Он часто ездил со мной к ювелиру, прекрасно знал о сумме, полученной мастером... Вот, наверное, и решил воспользоваться ею. Другого объяснения у меня нету. Право, мне очень жаль, но каждый человек должен отвечать за свои проступки, здесь не должно быть различий между князем и бакалейщиком. Разумеется, я не стану свидетельствовать против Арсения Сергеевича, хотя это и дурно. Но, любезный Влас Евграфович, не довольно ли все об одном? Хотите взглянуть на мои рисунки?

– С превеликим удовольствием! – сказал я.

Она убежала. Весьма занятная женщина – то придиралась к лакею, то сама понеслась за рисунками, вместо того чтобы приказать горничной. Я заскучал. Ничего не оставалось, как понаблюдать за бароном, который медленно пил чай, закусывая мармеладом. На его мизинце сверкал перстень – великолепный сапфир в окружении бриллиантов. Очевидно, и барон не равнодушен к камням. Выйдя из-за шторы, он потерял всякий интерес к теме нашей с Агнессой Федотовной беседы. Барон не поддерживал разговора, вел себя так, будто находился один в гостиной. Он пил чай с мармеладом, а я все думал: кто же мне лгал – баронесса или граф Свешников? Не верить Агнессе Федотовне не было оснований, тем более что лакей подтвердил ее слова. Но и Арсений Сергеевич был убедительно правдив. Где же истина? Ведь кто-то из них говорил неправду!

Баронесса принесла папку с рисунками, я наскоро посмотрел великолепные виды Петербурга, выполненные карандашом и пером. Изображений ожерелий среди них не было. Я выразил свой восторг, заметил, что у нее несомненный талант к рисованию, чем она осталась

довольна, затем распрощался с Агнесой Федотовной и бароном. На прощание она сказала, что я могу бывать у нее запросто.

И все же мне не давало покоя беспокойство за судьбу графа Свешникова. Я принял решение добиться свидания с приставом следственных дел.

Никодим Спиридонович согласился принять меня через день. Я вошел в кабинет, который показался мне несколько мрачным из-за единственного и притом маленького окошка, расположенного высоко, из-за чего света проникало в помещение мало. В самом темном углу сидел писарь с длинными бакенбардами, подле писаря стояли два шкапа. Стол Никодима Спиридоновича находился у противоположной стены, сам он сидел и заводил карманные часы. Делал он это медленно, словно больше и заняться ему нечем. Когда я вошел, он всего-то поднял на меня скучающие глаза, затем снова опустил их на часы. Это был крепкий на вид человек лет пятидесяти с небольшим, с умным лицом, полный, одетый в штатское платье.

Пристав предложил мне стул, я сел напротив него. Некоторое время Никодим Спиридонович еще уделил часам – закончил заводить, послушал тиканье, с удовлетворением захлопнул крышку и отложил их на край стола. Между этими занятиями он бросал на меня ничего не значащие взгляды. Но наконец настал момент, когда он переплел пальцы рук, сложив их на столе перед собой, и спросил довольно приятным низким голосом, но вяло:

– Вы изволили прийти по делу графа Свешникова? Он вам родственник?

– Нет, Арсений Сергеевич не является моим родственником, – ответил я. – Но мне не безразлична его судьба. Я хотел бы узнать, что вы думаете по этому делу?

– Сразу видно – вы впервой у нас, – улыбнулся он. Улыбка его мне не понравилась: она была кислая и неискренняя. – Мы своих тайн не разглашаем.

– Я не прошу рассказать тайны, только то, что вы посчитаете возможным...

– А в чем ваш интерес? – на удивление живо спросил он, а глаз его подозрительно прищурился. Всего-то прошло минуты две от начала нашей беседы, а мне уж он казался весьма несимпатичным.

– Вы полагаете, человек, получивший прекрасное воспитание и образование, способен убить троих? К тому же среди жертв две незащитные женщины... – сказал я, надеясь, что объяснение моего интереса он поймет из вопроса. – Я пришел просить вас разобраться в этом деле самым тщательным образом. Ведь ваша ошибка может дорого стоить графу Свешникову.

– Простите, запямятовал ваше имя с отчеством...

– Влас Евграфович, – подсказал я.

– Видите ли, любезнейший Влас Евграфович, безвинно к нам не попадают. Граф Свешников очень уж не ко времени явился к ювелиру. И револьвер графа странным образом очутился у него в руке в момент совершения преступления.

Он достал из ящика револьвер, положил его на стол. Как странно мне было видеть этот предмет, созданный для убийства... Странно было думать, что такая маленькая вещица способна лишить человека жизни.

– Вы хорошо знакомы с подобным оружием? – спросил он.

– В общих чертах, я ведь не военный человек.

Никодим Спиридонович, потирая руки, как от холода, вкрадчиво заговорил:

– Это револьвер системы Смита-Вессона, русская модель образца 1872 года. В Вене данная модель получила золотую медаль. Каково? Весьма, весьма совершенная система, с высокими боевыми качествами. Наповал сражает и надежен в обращении. Официально именуемая 4,2-линейным, а ежели проще – калибр 10,67 мм. Ударно-спусковой механизм простого действия. Оружие – моя страсть. Я испытываю восторг, беря в руки воплощение человеческого гения. А знаете ли, у этого револьвера есть две особенности. Первая – курок. Спущенный курок особым вырезом захватывает выступ застевки ствола и не позволяет ей произвольно

расстегнуться. Устройство застежки и курка является надежным предохранителем от выстрела при не полностью закрытом револьвере. Несовмещение выреза застежки с вырезом на курке как раз и не позволяет бойку достигнуть капсюля патрона. Разве это не чудо?

Я не понимал, зачем он прочел мне целую лекцию. Мне было глубоко безразлично устройство револьвера, но из чувства такта я слушал его, стараясь не показать недовольства. А Никодима Спиридоновича не занимало мое явное равнодушие к предмету убийства – он взял в руки револьвер, вертел его, разглядывая со всех сторон.

– Но есть более ценная особенность, – проговорил он будто бы самому себе, так как даже не посмотрел на меня. – Это защелка экстрактирующего приспособления! Она позволяет отключать экстрактор при раскрывании револьвера. Очень удобно при разрядке, ежели стрелку не нужно, чтобы извлекаемые из револьвера патроны выбрасывались на землю. При отключенном экстракторе патроны остаются в каморах. Их можно извлечь по одному или же вытряхнуть все сразу.

– К чему мне знать особенности устройства револьвера? – не хватило у меня терпения.

– А к тому, – наконец он устремил свой взор на меня, – что в этом револьвере остались три патрона. Револьвер держал в руках граф Свешников, когда его арестовали. Не мог же револьвер графа сам выстрелить в ювелира, его жену и кухарку? Следовательно, стрелял граф, и он же отключил экстрактор, дабы патроны остались в револьвере, но не успел их после убийства заменить.

– Вы не допускаете, что некто украл револьвер графа, выстрелил в несчастных людей, а револьвер подбросил?

– Возьмите его в руки, сударь, – пристав протянул револьвер мне. Я взял. – Вам не кажется, что данная вещь весьма тяжела? Все ж таки два фунта! Как же граф Свешников не заметил пропажи?

Я отдал ему револьвер со словами:

– Порой люди не замечают и более тяжелую пропажу.

– Сударь, вы так печетесь о графе Свешникове, что вызываете у меня уважение, – сказал он, положив револьвер рядом с часами. – Только ведь граф не отрицает убийства.

Это было новостью! Я положительно не знал, что делать и говорить в данном случае, лишь вымолвил с удивлением:

– Как! Он не отрицает? Он сознался в убийстве?

– Напротив. В убийстве он не сознался. Но и не отрицает.

– Помилуйте, а что же Арсений Сергеевич говорит в свое оправдание?

– Ничего-с. На выдвинутые обвинения он молчит.

– Простите, а в чем вы видите причины столь безрассудного поступка?

– Отчего же безрассудного? Мне часто доводится иметь дело с убийцами, и причина в большинстве случаев известная – деньги. Граф задолжал огромные деньги, кредиторы его преследуют, а тут ювелир получил весьма крупную сумму. Соблазнительно, не правда ли? Долги ведут к преступлению даже людей высокого происхождения, ведь долговая яма – это скандал, позор. Есть еще один способ избежать позора, но... не всякий имеет смелость застрелить себя. Оттого граф Свешников ничего и не может сказать в свое оправдание – нечего ему сказать. Да и сознаться в тяжком преступлении нелегко. Поймите, сударь, вы хлопчете за недостойного человека, хотя и родовитого. Наша знать лишь толкует о чести, на самом деле – сплошное лицемерие. Мол, человек чести не пойдет убивать из-за денег.

Мне нечего было сказать в ответ, я согласился с ним. Вслух согласие не высказал, что-то удержало меня, однако я поинтересовался:

– А как полицейские догадались зайти к ювелиру? Ежели Арсений Сергеевич сознательно пошел на убийство, он должен был позаботиться о себе, не так ли?

– Убийство случилось в десять часов. Квартал к тому времени кишит народом. К околоточному прибежал мальчонка и отдал записку, а в ней писалось, что по такому-то адресу слышались выстрелы.

– Простите мое любопытство, – вдруг вспомнил я, – при графе обнаружены деньги, которые он забрал у ювелира?

– Нет-с, к сожалению. Граф не успел найти деньги. Но искал. В кабинете ювелира царил большой беспорядок.

– Значит, деньги целы? Вы нашли их?

– Нет-с, деньги нами тоже не найдены.

– А куда ж они делись? – Вновь одолели меня сомнения, что в убийстве повинен граф. – Коль Арсений Сергеевич пришел к ювелиру среди бела дня за деньгами, стало быть, он знал, где они лежат. Почему же при нем не найдено денег?

– Думаю, ювелир спрятал их в тайник. Сумма ведь огромная! Потому графу и пришлось задержаться в доме – он искал деньги. Однако не нашел. Не нашли и мы.

И вновь ответ Никодима Спиридоновича был убедителен. Сопоставив некоторые факты из рассказов графа и баронессы, я сделал вывод, что Свешников лгал. И самым главным доказательством его лжи была смерть барона фон Рауха. Зачем ему понадобилось придумывать нелепость? Без того в его рассказе полно оригинальностей.

Вышел я от Никодима Спиридоновича с намерением больше не заниматься делом графа. Но у меня осталась записка к Мари Белозерской. Как человек обязательный, я решил выполнить обещание и отдать записку ей.

Случай не заставил себя ждать.

На следующий вечер, решив развеяться, я поехал в оперу. Признаюсь, я не любитель оперы, хотя, впрочем, музыку слушаю с удовольствием. Но всяческие речитативы и долгие арии на меня наводят уныние, особенно в античных сюжетах.

В ложе от скуки я приставил бинокль к глазам и принялся изучать зрителей. Первой заметил Агнессу Федотовну. Вернее, сначала блеск драгоценных камней на ее шее, а потом уж ее. Она смотрела прямо в мою ложу с лукавым вызовом. Очевидно, тоже скучала. Рядом с баронессой сидел барон, едва не вываливаясь из ложи – настолько его занимало действие на сцене. Он даже подпрыгивал от удовольствия и невпопад бил в ладоши.

Я кивнул баронессе, она улыбнулась. Разумеется, в антракте я подошел к ней, хотя мне и не хотелось. Черт возьми, на Агнесе Федотовне было ожерелье, которое сразу же вернуло мои мысли к графу Свешникову. Мы гуляли по фойе рука об руку, и я заметил, что многие господа обращали внимание на колье баронессы. Оно было слишком прекрасно и необычно, чтобы остаться незамеченным, – создавалось впечатление, будто камни висят сами по себе, будто они ничем не скреплены меж собой. Баронесса, довольная вниманием, победоносно взирала на всех и нашептывала мне:

– Поглядите, сударь, на этих раздувшихся от важности индюков. Они блюдут внешние приличия, кичатся своим происхождением, хранят традиции. А попади им на язык, так от вас буквально пух и перья полетят. Кстати, многие из этих господ давно потеряли состояния, однако с честью надевают штопаное платье и полны гордости.

– Вы не любите свет, – сказал я с улыбкою.

– А за что их любить? Никогда толком ничего не делали, а людей труда презирают. Разве вы не заметили, как все эти старинные мощи воротят от вас нос?

– Я слышал, будто бы скоро сословия отменят.

– О, не надейтесь! – рассмеялась она. – А колье отменят, придумают вместо сословий еще что-нибудь... разделяющее. Мы без вражды не можем жить. Ах, как жаль, что теперь все знают мастера, который сделал колье! А мне хотелось подразнить этих снобов, они ведь завистливы.

Смотрите – вон идет невеста графа Свешникова. Хороша... но перчатки на ней старенькие. Это унизительно для молодой девушки княжеских кровей!

Мари шла нам навстречу под руку с братом – ровесником Арсения Сергеевича. По слухам, Дмитрий Белозерский занялся государственной службой. Держался он с большим достоинством, хотя семья Белозерских значительно обеднела. Тем не менее за Дмитрия Павловича многие согласились бы отдать дочерей. Женщин нынче развелось много, на всех не хватает женихов, а князь, хоть и обедневший, все же князь. Он встретился со мной взглядом, перевел глаза на баронессу, слегка кивнул и прошел мимо.

В дальнейшем мои мысли были заняты одним – как передать записку Мари. И придумал. Возможно, неудачно, но больше ничего не пришло в голову. Я завернул записку в свой кружевной платок и намеренно потянул баронессу в сторону, куда ушли Мари и ее брат с родными.

Наконец Белозерские снова появились. Когда они прошли мимо, я уронил платок, поднял его и догнал Мари:

– Прошу прощения... вы обронили платок.

Я протягивал ей платок и умолял взглядом взять его. Мари растерянно рассматривала мой платок и меня, не решаясь протянуть руку.

– Прошу вас... – настойчиво сказал я.

Она несмело взяла платок. Нащупала в нем посторонний предмет, вскинула на меня испуганные глаза, но я извинился и вернулся к баронессе. Все, дело было сделано. Я со спокойной совестью поболтал еще с Агнессой Федотовной, получил приглашение на ужин и поспешил в свою ложу, так как начинался второй акт. Я чувствовал несказанное облегчение, слушал оперу и радовался, что скоро она закончится.

Внезапно в ложе моей произошло движение, я хотел обернуться, но вдруг услышал робкий девичий голос:

– Не оборачивайтесь! Я не хочу, чтоб меня заметили...

Все же я сел боком к бордюру ложи, дабы увидеть, что за таинственная незнакомка рискнула прийти в мою ложу. Прячась за бархатной шторой, стояла княжна Белозерская.

– Простите мне мою смелость... – опустила она глаза. – Вы видели его?

– Да, – ответил я шепотом, повернув лицо к сцене. – Мне довелось встретиться с Арсением Сергеевичем в тюрьме, тогда он и передал для вас записку.

Признаюсь, я был сражен. И ее смелостью, и ее самостоятельностью. Она компрометировала себя, войдя ко мне. Последствия подобного поступка для юной девушки могли оказаться самыми ужасными – свет жесток в таких случаях, ставит клеймо: женщина легкого поведения.

– Как он? – спросила Мари озабоченно.

– Не скрою, состояние его плачевное.

– Это я поняла из записки, – быстро заговорила она. – Что с ним будет?

– Не могу сказать, какое решение вынесет суд... но дела его плохи. Арсений Сергеевич убил...

– Нет, он не мог этого сделать!

– Поймите, Мария Павловна, против Арсения Сергеевича буквально все.

– Я не верю. Это все та женщина... с которой вы гуляли в фойе. Из-за нее все. Она и моего брата околдовала. Она дурная женщина, вам не следует с ней встречаться... Простите, я говорю дерзости... а ведь пришла не за этим. Влас Евграфович, не согласитесь ли вы передать ему письмо? Прошу вас, не отказывайте мне!

Встречаться снова с графом Свешниковым у меня не было ни малейшего желания. Но я не мог отказать этому чудному созданию, которое страдало и любило. И позавидовал графу Свешникову. Если б меня любила женщина столь сильно, я бы, не задумываясь, отказался от холостяцкой жизни и бросился бы к ее ногам. Как он мог оставить Мари?!

– Постараюсь, – пообещал я, повернувшись к ней. – А теперь идите, Мария Павловна. Ежели вас хватятся... будет скандал.

– Вы боитесь скандала? – удивилась она. – Вы же образованный, умный человек...

– Я боюсь за вашу репутацию, – уточнил я. Мне-то скандалы глубоко безразличны.

– Завтра в пять я приду в Зимний сад, там передам письмо. А это... прочтите.

Она упорхнула из ложи, оставив нежный аромат духов. На моих коленях лежал мой платок, в нем лежала все та же записка. Я развернул листок и прочитал: «Милая Машенька! Стоя у края пропасти, я осознал, как неосмотрительно поступил, разорвав наши отношения. Бог наказал меня более, чем накажут люди, но ты прости. Моя жизнь кончена, я хочу уйти со спокойной душой, зная, что ты простила меня, ибо виноват я только перед тобой. Не бойся Власа Евграфовича, это редкой порядочности человек. Передай ему на словах все, что считаешь нужным. Прости и будь счастлива. Арсений».

Надо ли говорить, что у меня в мозгу все переставилось? Что значило «я хочу уйти со спокойной душой»? Покуда суда еще не было, приговор не вынесен. Впрочем, даже за дуэли наказывали строго, но дуэль – это защита чести, посему наказание не смертельно, разве что в ссылку отправят или на войну. А что ждет графа Свешникова за тройное убийство? Наверняка страшная кара.

Я перечитал записку, остановился на словах: «...виноват я только перед тобой». А это что означало? Он в действительности не виновен в совершенном преступлении или же лгал Мари, дабы выйти в ее глазах чистым? И я начал рассуждать. Положим, он не виновен. Следовательно, некто с ним сыграл подлую шутку. Граф провел ночь у Агнессы Федотовны, затем по ее просьбе поехал к ювелиру забрать кольцо. Кто же украл у него револьвер? Ежели баронесса лгала, то зачем? Нет ей интереса интриговать против графа, кольцо-то при ней. И кто подкинул револьвер в дом ювелира? В который раз я убедился, что рассказ графа выглядит фантастически неправдоподобно. Но вдруг меня осенило: а не замешан ли в этой истории кто-то третий? И еще я поймал себя на том, что всячески ищу доказательства невинности графа Свешникова. Отчего?

В пять я прогуливался в Зимнем саду. Часы показывали десять минут шестого, когда я наконец заметил Мари Белозерскую – она торопливо шла по аллее. Но девушка не подошла ко мне, лишь кивнула в знак приветствия, затем положила конверт прямо на землю под деревом и быстро убежала – ее позвали. Я дошел до того места и забрал конверт. Свидания с Арсением Сергеевичем я добился через день, употребив при этом все способы, вплоть до взяток. Молодой граф был бледен, но спокоен и холоден. Прочитав письмо Мари, он настроил ответ, отдал мне:

– Это последняя моя просьба. Не приносите мне больше от Мари писем, довольно. Я искренно признателен вам, но... мне не хотелось бы использовать вашу доброту. А теперь давайте простимся.

– Погодите, Арсений Сергеевич, – пробормотал я, удивленный его поведением. Граф Свешников на прошлом свидании и сейчас – как будто это были два разных человека. – Мне удалось кое-что выяснить... я бы хотел поговорить с вами...

– Да о чем же? – усмехнулся он грустно. – Давеча меня вызывали на допрос и сообщили, что скоро суд. Я обвиняюсь в убийстве... Дело мое безнадежное.

– Но почему, почему вы молчите на допросах? – разошелся я, пораженный его внезапным смирением. – Отчего не хотите рассказать все, что рассказали мне?

– Не могу, – сказал он твердо. – Вам я рассказал, потому что хотел через вас передать записку Маше, а также хотел разобраться... Впрочем, неважно. Я не могу задеть честь женщины.

– Агнессы Федотовны? – понял я.

– Именно. Представляете, какой разгорится скандал? А она ведь женщина! К тому же я ничего не выиграю, лишь уроню себя.

– Допустим, вы правы. А теперь ответьте, почему вы так уверенно заявили, будто барон Раух умер? Вы присутствовали на его похоронах?

– Нет. Едва он преставился, Агнесса тотчас отправила его тело на родину...

– Так вот, милостивый государь, – не без удовольствия перебил его я. Чего там греха таить, меня терзали сомнения и нужна была ясность. – Барон жив и в превосходном здравии. Я виделся с ним и Агнессой Федотовной после нашего с вами свидания.

Новость произвела на Свешникова впечатление: Арсений Сергеевич с минуту смотрел на меня с превеликим изумлением. Я видел, в каком он затруднительном положении, и подумал, что мне удалось уличить его во лжи.

– Как это понимать, ваше сиятельство? – спросил я не без иронии.

Граф лишь покачал головой, выражая тем самым недоумение. Но мне очень хотелось получить ответ, и я настаивал:

– Ну же, граф, смелее. Скажите, как вам удалось обмануться?

– Я поверил ей... – выговорил он с трудом. – Да и в свете, кажется, об этом говорили. Осуждали Агнессу, что она не поехала сопровождать тело барона.

– Поверили! – возмутился я. – А колье? Оно ведь у баронессы! Я видел эту вещь, она действительно великолепна. И баронесса утверждает, что вы солгали мне, когда говорили, будто Агнесса Федотовна просила вас забрать колье у ювелира. Вы с ней ездили к мастеру накануне вечером, забрали колье, лакей при вас отдал шкатулку с деньгами ювелиру. С вами был барон фон Раух. Это подтвердили лакей и барон. Вы и сейчас не хотите защититься?

Я действовал как провокатор, надеясь, что граф либо сознается во всем, потому как ложь его вышла на поверхность, либо станет убеждать меня в обратном. Он не сделал ни того, ни другого, а сказал, скрестив на груди руки:

– Тем более не хочу. Мне это не поможет. Мне вообще ничто не поможет! Вижу, Влас Евграфович, даже вы не верите мне. Как же поверят другие люди, которым помимо моих слов нужны доказательства? А доказательств у меня нет.

– Вы не правы, – возразил я, сердясь на него, ибо меня поражало упрямство графа. – Есть службы, призванные разбирать такие дела. Коль не виновны, вы обязаны защитить свою честь и честь вашей семьи.

Мои слова не произвели на него должного впечатления, он смотрел в одну точку на полу, глубоко задумавшись. Тот покой, в котором он находился, пугал меня. Я решительно не понимал этого человека и пришел к выводу, что лишь вина заставила его смириться с обстоятельствами. На прощание он сказал мне:

– Честь, Влас Евграфович, защищать не надо. Она сама защищает. Раньше я этого не знал, теперь знаю. В том, что со мной приключилось, вина лишь одного человека – моя собственная. Мне и ответ держать. С честью.

Мы простились. Я не знал, что то была наша последняя встреча.

На этот раз я передал записку от графа спустя две недели. Пришлось съездить в Москву по неотложным делам – там у меня тоже фабрика, к тому же я вел строительство дома. Петербург – город чопорности и напыщенности, отчего мне быстро становится одиноко. Другое дело Москва, где проще завести знакомства и либеральности поболее. Я склонялся переселиться в Первопрестольную.

В Петербурге я бывал у Агнессы Федотовны, познакомился с некоторыми молодыми людьми свободных нравов, отчего не пришел в восторг. Пару раз я выезжал с ней и ее окружением на верховые прогулки. Не скажу, что я заядлый наездник: после верховой езды устаю. Но Агнесса Федотовна чудо как хороша верхом на лошади. Кстати, баронесса окружила себя

одними мужчинами, вызывая ревность в дамах. Очевидно, она сознательно дразнила свет. Бывал у нее и Дмитрий Белозерский, брат Мари. С ним мне не удалось найти общий язык, князь отличался дремучей спесью.

Однажды баронесса просила сопровождать ее на бал, потому что занемог барон фон Раух. Поскольку я был вхож в тот дом и тоже получил приглашение, ничего предосудительного в предложении Агнессы Федотовны не усмотрел. Хозяин дома время от времени устраивал балы с целью выдать замуж одну из пяти дочерей. Полагаю, и мне отводилась роль жениха. Пять дочерей, невообразимо толстых и глупых, отец мечтал выгодно сбыть с рук и не хотел давать за ними хорошее приданое. Мне же вместо приданого можно было подсунуть честь породниться с титулованными особами. Не смешно ли?

На балу были и Белозерские. Передать записку Мари во время танца – что может быть лучше? Да вот беда, танцевальные па – эту обязательную светскую премудрость – мне не удалось освоить. Я мучился, как отдать записку, и не придумал ничего, кроме как повторить прежний трюк: «Вы обронили платок».

Мари взяла платок, не раздумывая, и пробормотала «мерси». Но когда я отходил от нее, услышал, как Дмитрий Белозерский презрительно бросил по-французски:

– Ты намеренно роняешь платки, Мари? Хочешь обратить на себя внимание этого плебея?

Я вернулся и подошел очень близко к князю Белозерскому.

– Вы получили плохое воспитание, ваша светлость, – сказал я ему по-французски тихо, дабы меня не услышали. – Скверный характер, необоснованное высокомерие, какими отличаетесь вы, и подлые слова за спиной – это и есть плебейство. Хотите дуэль?

– Я не дерусь с простолюдинами, – заявил он тоже тихо, но уже по-русски.

– Дмитрий, как ты можешь... – залепетала Мари.

– Чтобы доставить вам удовольствие, я куплю титул, какой вы пожелаете, – зло процедил я. – Кроме императорского. Впрочем, мне удалось создать свою империю. А что создали вы?

Белозерский побагровел, схватил Мари за локоть и отошел. Признаться, я был удовлетворен своей мальчишеской выходкой и повеселел.

В кулуарах шептались о графе Свешникове и о его родственниках, которые давно не выезжали в свет по понятным причинам. Скоро должен был состояться суд...

В день суда мне не сиделось на месте. Я приказал заложить карету и отправился к зданию, где вершилось правосудие. Меня поразила толпа у входа, сплошь состоявшая из представителей высшего света. Дамы закрылись вуалями, а мужчины стояли группами, обсуждая меру будущего наказания для графа Свешникова и... делая ставки. Это было варварством, недостойным цивилизованных людей, – делать ставки на меру наказания. Все ждали, когда привезут графа, жаждали видеть его унижение. Мне неприятно было глядеть на толпу, алчущую чужого позора. Каково же будет графу Свешникову идти мимо этих людей?

Но вот показалась арестантская карета, сопровождаемая всадниками. По толпе прокатилась волна возгласов, я выскочил из своей кареты. Дальнейшее происходило так быстро, что я не успевал опомниться.

Арсения Сергеевича вывели из арестантской кареты. Одет он был легко – в сюртуке и с непокрытой головой, руки у него были свободны, а не связаны. Он остановился на миг и оглядел толпу, словно кого-то искал. Граф не смутился под взглядами сотен глаз, держался хладнокровно, в нем не чувствовалось ни сожаления, ни страха. Зато собравшиеся замерли, жадно следя за каждым движением Свешникова. Толпа перед зданием суда превратилась в одного азартного игрока, ждала чего-то небывалого, скандального. И это небывалое случилось.

Когда графа повели в суд, внезапно из толпы вырвалась женщина и кинулась к Арсению Сергеевичу. Она через вуаль поцеловала его в губы, тесно прижавшись к нему телом. Я узнал

ее. Это была Мари Белозерская. Тотчас к ней ринулся полицейский, грубо схватил со спины за руки и беспардонно потащил в сторону. Ну тут уж я не выдержал, бросился на помощь Мари.

– Убери руки, скотина! – рявкнул я на полицейского, вырвал Мари и втолкнул ее в свою карету, сел рядом. – Что вы наделали, Мария Павловна! Это безрассудство! Вас наверняка узнали.

Она молчала, опустив голову, нервно перебирая пальцами муфту...

И тут до нас докатился глухой звук, очень похожий на... выстрел.

Я обмер, прислушиваясь к крикам, доносившимся из здания суда. Ахнула Мари, закрыв лицо руками в перчатках. Что случилось? Ведь это действительно прогремел выстрел, спутать его с другими звуками невозможно. Я опрометью кинулся в здание суда, расталкивая всех, кто попадался мне на пути. Вбежав внутрь, увидел спины. Полиция теснила толпу, но мне удалось прорваться – я имел достаточную силу! – к Арсению Сергеевичу.

Граф полулежал на полу у стены. Рубашка на его груди была окровавлена, кровь продолжала сочиться сквозь пальцы руки, которой он зажимал рану. Во второй руке Свешников сжимал дуэльный пистолет. Стоял страшный шум, кто-то требовал доктора, визжали дамы, некоторые падали в обмороки. Склонившись над Арсением Сергеевичем, я потрясенно выговорил:

– Как же так... друг мой... Зачем?!

– Честь... я доказал... не виноват...

Он умер. Что я испытал, стоя над его телом? Стыд. Огромный, непередаваемый. Зашемило сердце, я чувствовал себя виноватым, а самое страшное – теперь я верил графу.

Кто-то тронул меня за плечо, крикнув:

– Посторонись!

Я сбросил чужую руку, отдернув плечо, обернулся и прорычал в ответ:

– Пошел вон, дур-р-рак!

– Где женщина? – послышался громкий и командный голос. – Та, что подходила к арестанту... Кто-нибудь знает эту женщину?

Я поспешил к Мари, запрыгнул в карету, крикнув кучеру:

– Гони, Прощка!

Карета понеслась по улицам Петербурга. Я запрокинул голову назад и ехал некоторое время, закрыв глаза. А видел окровавленную грудь Арсения Сергеевича, его пальцы, сквозь которые сочилась кровь, перекошенное болью лицо... Боль застряла и в моей груди.

– Он застрелился? – услышал я несмелый голос Мари.

– Да, – ответил я.

– Господи, прости нам наш грех, – сказала она и перекрестилась.

– Пойдите, пойдите... – Я уставился на Мари, которая тихо плакала. – Мария Павловна!

Вы... вы передали ему пистолет?

– Да, – созналась она. По щекам ее бежали одна за другой слезы.

– Но как?! Как вам это удалось?!

– В записке, что вы мне отдали, Арсений Сергеевич просил найти человека, который бы передал ему пистолет, когда его поведут в суд. А кого я найду? Где? Я взяла пистолет у папá в кабинете... с ковра сняла... зарядила... спрятала в муфту. А потом... потом сунула пистолет ему за сюртук, когда целовала. Я не могла поступить иначе. Влас Евграфович, не осуждайте меня... прошу вас...

Она упала мне на грудь и горько зарыдала. Я же обнял ее за плечи, поражаясь самоотверженности этой девушки. Но что теперь предстояло стерпеть ей!

– Ах, Машенька, Машенька... – сетовал я. – Натворили вы...

Потом я велел кучеру ехать к Белозерским, где передал Мари с рук на руки его светлости князю-отцу, сказав:

– Что бы ни случилось, рассчитывайте на мою помощь.

Он поблагодарил, хотя ничего не понял.

Долго я не мог прийти в себя от потрясения, связанного с самоубийством графа. Ничем не занимался, казнил себя тем, что не сделал все возможное для его спасения. К тому же я ведь нечаянно стал участником заговора против графа, который он сам изобрел против себя же. Вечеру я отправился к Никодиму Спиридоновичу, желая высказать ему накипевшее.

Пристав принял меня безотлагательно. Выглядел он усталым и разгневанным.

– Ну вот, – сказал я ему, – вы удовлетворены? Теперь-то граф Свешников доказал вам, что невиновен?

– Кому и что он доказал? – зарычал тот, подскочив. Затем бросил писарю: – Подите вон, любезный. – Тот мигом сбежал, а пристав снова повернулся ко мне: – Граф совершил глупость! Непростительную глупость!

– Граф Свешников решил умереть, доказывая свою невиновность, – отстаивал я покойного. – В его нынешнем положении это был единственный достойный выход, как ни жестоко с моей стороны так говорить. Однако человек, желающий избежать позора путем смерти, разве не заслуживает уважения? Помнится, вы сами говорили...

– Я дурак был-с! – развел в стороны руки Никодим Спиридонович, исполнив шутовской поклон. – А знаете ли, сударь, что графа должны были отпустить из зала суда?

– Как! – изумился я его словам. – Что вы такое говорите!

– Да-с! Нашлись свидетели, которые видели, как он заходил в дом ювелира после выстрелов. После! Мальчонка, что отнес околоточному записку, очень быстроногий. Он вернулся к дому ювелира, ибо работает напротив в трактире половым, и видел графа Свешникова, как тот вошел к ювелиру. А записку мальчишка получил сразу же после выстрелов, которые тоже слышал! И соседка ювелира, мещанка Колтунова, слышав выстрелы, глядела из окна на улицу. Она подтвердила, что граф Свешников приехал на извозчике после выстрелов в доме ювелира. После! Следовательно, граф не стрелял. Каково, а?

Я был сражен. Я ощущал в сердце пулю, которая убила Арсения Сергеевича. Красивого, молодого и благородного человека не стало – и кого в этом винить?

Никодим Спиридонович ходил по кабинету, заложив руки назад и нахмурил брови.

Несмотря на потрясение, я все же любопытствовал:

– Но почему все-таки должен был состояться суд? Разве вы не обязаны были отпустить Арсения Сергеевича, имея такие факты? Вы сказали ему о свидетелях?

– Нет-с! – всплеснул он руками и снова заложил их за спину. – Не успел. Да и свидетели нашлись накануне, суд уж никак нельзя было отменить. Это вам, сударь, чудится, будто разбирательство – легкое дело. Ан нет! Покуда околоточный отыскал мальчонку... Он ведь не знал его имени, не знал, где искать мальчика! К тому же на основании показаний ребенка подозреваемого освобождать нельзя. Покуда опросили всех, кто живет поблизости... А там народу много. Мещанку Колтунову вообще нашли только позавчера. У сестры гостила, в Туле. Роковое стечение обстоятельств! Ко всему прочему, имена свидетелей мы храним в тайне до нужного часа. И час этот должен был пробить в суде. А девчонка... Думаете, мы не знаем, что это княжна Белозерская передала графу Свешникову пистолет? Ишь, удумала: поцелуй герою подарила! А вместе с поцелуем пистолет подсунула! Да-с, нам все известно. Поступок ее аморален!

– Что будет с княжной? – испугался я за Мари.

– А вот этого я не знаю! – вновь он развел руки в стороны и наклонился ко мне. – Не знаю-с! Да такого сроду не бывало, чтоб княжна... Нет, это скандал, какого еще не знавали в свете! Княжна... Собственными руками... Вот что теперь с ней делать, а? Задрать бы ей юбку да выпороть розгами!

– Я прошу вас, оставьте княжну в покое.

– Отчего ж я должен оставить ее в покое? – Никодим Спиридонович оперся о стол руками и навис надо мною. – Барышня совершила проступок, пускай теперь и отвечает. Княжна, маркиза, мещанка – мне все равно-с. И на допрос обязательно вызову.

– Да как можно? Молодую девушку, княжну... на допрос?! Вы окончательно погубите ее репутацию.

– Простите, сударь, но она сама погубила свою репутацию.

– Не сама, а с моею помощью.

Я рассказал Никодиму Спиридоновичу все, что мне стало известно со слов графа Свешникова, рассказал, как служил почтальоном между ним и Мари, о своих сомнениях и подозрениях. Он упал в кресло и прикрыл ладонью глаза, задумался, затем произнес:

– Ежели б вы мне рассказали все с самого начала...

– Да, граф Свешников остался б жив, – вынужденно признал я. О, как больно было сознавать, что и я повинен в его смерти! – Теперь-то вы не вызовете княжну? Умоляю вас...

– Я должен подумать, – раздраженно бросил пристав.

– Никодим Спиридонович, я желаю загладить вину. Все, что хотите, сделаю, но истинный виновник должен быть найден.

– Полагаете, мы не знаем, что нам делать? – рассердился он. – Есть у меня один свидетель, главный. Но об этом умолчу покуда. И помощь ваша, возможно, понадобится.

На том мы расстались.

Прошло две недели со дня гибели графа Свешникова, однако свет не терял интереса к этой истории. Впрочем, о несчастном графе упоминали лишь в связи с именем княжны Белозерской. Уж для нее не жалели ни слов осуждения, ни ядовитых насмешек. Я не понимал людей, откровенно порочивших прекрасную девушку. Да кто им дал право на это? Белозерские не выезжали, никого не принимали – переживали скандал, закрывшись на все замки. Пару раз я пытался добиться свидания с Мари, но мне сказали, что она больна, а князь и княгиня не принимают. Да и кто я такой, чтоб меня принимать? Виделся я только с Дмитрием Белозерским у баронессы, но он всячески игнорировал меня. Впрочем, я тоже не горел желанием говорить с ним. За дневными делами я, конечно, забывал об Арсении Сергеевиче и о Мари, но вечером... Вечером я ехал туда, где мог услышать последние новости о княжне, или навещал Агнессу Федотовну.

Меня интересовала эта дама. Что же она за человек? Поскольку Никодим Спиридонович не связывался со мной, а желание узнать истинного виновника теперь уже четырех смертей было огромным, я посвящал свободные минуты попыткам разгадать загадку. Я чувствовал, что баронесса связана с трагическими событиями, но какова ее роль – не находил ответа. Либо она была сообщницей в грязном деле, либо жертвой (то есть, возможно, ее кто-то использовал). Я наблюдал за нею и ее окружением, стараясь замечать малейшие подробности. Двое молодых людей решительно мне не нравились – князь Белозерский и штабной офицер Юрий Васильевич Сосницкий. Оба отличались спесивостью, оба постоянно нуждались в деньгах, оба соперничали за благосклонность баронессы. На обоих пало мое подозрение. Однако баронесса не отдавала никому из них предпочтения, во всяком случае на людях. Разве что я пользовался ее особой благосклонностью, но то, что выделяла меня среди прочих, не очень-то волновало. Изредка Сосницкий занимал у меня деньги, и я давал ему ссуды, желая расположить к себе и надеясь, что он как-нибудь проболтается. Просила денег и Агнесса Федотовна, обещая вернуть через две недели, когда барон получит перевод. Я не дал, сказав, что не одалживаю денег красивым женщинам. Она рассердилась, но на следующий день простила меня.

Однажды я нанес визит одной даме, славившейся либеральными взглядами. Славился и ее салон, где можно было встретить разнообразных людей – от поэтов и музыкантов до подзрительных субъектов. На мое счастье, там оказалась княгиня Белозерская – бабка Мари и

Дмитрия по отцовской линии. Поговаривали, будто бы ей лет сто, однако живости в ней наблюдалось завидно много, а картежница она была, каких свет не видывал. Я попросил знакомого представить меня ей. Кто как не она расскажет мне о Мари?

– Наслышана, наслышана... – сказала она одобритительно, протянув руку для поцелуя. – Примите мою благодарность, сударь, ведь это вы спасли Машу от всенародного позора, увезли ее. В свете говорят, у вас баснословное состояние...

– У нас принято говорить – капитал, – улыбнулся я. – И свет на сей раз прав, у меня фабрики, заводы, рудники на Урале.

– Женаты?

– Нет, ваше сиятельство.

– Э, так вы завидный жених! Глядите, чтоб вас не окрутили недостойные люди, а таких нынче развелось множество и среди знати. Садитесь, сударь, подле меня. А не сыграть ли нам партию в карты?

– Извольте, с удовольствием, – ответил я, садясь напротив нее.

Нам принесли карты, пододвинули столик. Некий молодой поэт, собрав вокруг себя небольшую толпу, завывал стихами и размахивал руками, будто отбивался от невидимого неприятеля. Я тасовал карты.

– В какую игру предпочитаете играть, ваше сиятельство? – поинтересовался я у старой княгини.

– В азартную, разумеется. В гальбик. И на деньги! О, как несносно он читает! Эти юнцы вообразили, что пишут лучше Пушкина. Пф! Хе-хе!

Я старательно проиграл партию, княгиня захотела сыграть еще. Схватила карты, перетасовала, а я невзначай позволил себе поинтересоваться, как здоровье Марии Павловны.

– Худо, друг мой, – ответила она, не придавая значения моему вопросу. – Взаперти сидит, плачет. Сама виновата. Натворила. Ах, какой скандал изобрела!

– Простите, ваше сиятельство, – осторожно проговорил я, – но, думаю, все скоро забудут о сем скандале, едва появится новый. А он появится.

– Ошибаетесь, сударь, – пронзила меня бусинами глаз княгиня. – Такое не забывается. Маша показала верх бесстыдства. Кидаться на шею арестанту... преступнику! Это недостойно. Князь употребляет все свое влияние, чтобы замять скандал. Ну, положим, судейские простят ей пистолет... а вот свет... не простит. Ей теперь на люди не выйти до конца дней.

– Вам не кажется, что свет слишком жестоко обходится с нею? Это пошло – в наш век так поступать.

– Отчего же? Без общественного порицания дурным поступкам никак нельзя. Законы света не глупцами придуманы, а честь – это великое изобретение! Человек обязан беречь ее, ибо, ежели он порочит свою честь, страдают его близкие, их ведь тоже накажут презрением. Так вот именно, неся ответственность за честь семьи, не желая причинить ей неудобства, следует быть осмотрительным в своих решениях, поступках и словах. Не о себе следует думать, а о тех, кому принесешь страдания. Что же тут пошлого?

В общем-то, княгиня была права. Кстати, не только знать блюла свои порядки, среди крестьян и мещан существовали те же правила и принципы, та же строгость.

– Простите, ваше сиятельство, вы не ту карту положили, – сказал я, заметив, что она намеренно обманывает меня.

– Право, я не нарочно, – не смутилась она, забирая карту и кладя другую.

– Что же ждет Марию Павловну? – допытывался я.

– Князь человек строгий – он добивается ее согласия принять постриг, как встарь.

– Да это же варварство! – не удержался я от возмущения. – Все равно что в могилу живьем положить.

– Так ведь и она не хочет, противоречит отцу. Да никуда не денется!

– И что, нет никакого другого способа восстановить ее доброе имя?
– Отчего же, есть. Замуж выйти. Да только кто ж ее возьмет после такого скандала? Было б приданое солидное, тогда... Э, сударь! Вы не ту карту положили!
– Простите, я не нарочно, – соврал я. – А вам не жаль Марии Павловны?
– За все нужно держать ответ, друг мой. В мое время наказывали куда страшней. Из дому выгоняли без всяких средств. И согласия не спрашивали, когда в монашки определяли.
– А не устройте ли мне встречу с князем? Он меня не принимает.
– За Мари хлопотать удумали? Пустое. Князь не слушает вас, он никого не слушает. Но коль желаете, я поспособствую вам. О! Я выиграла! Еще партию?
Я согласился, играл без желания, проиграл пятнадцать рублей. А думал о Мари – еще об одной загубленной судьбе.

Наутро сам поехал к Никодиму Спиридоновичу.
– Сделайте же что-нибудь! – взывал я к нему. – Так же нельзя! Погибли люди, а убийца до сих пор не найден.
– Сядьте, сядьте, – кисло предложил он. – Вовремя приехали – я уже хотел послать за вами. Вы часто бываете у баронессы фон Раух?
– Разумеется, часто. Я вел наблюдения за ее окружением.
– Похвально, – недовольно покривился он, не поинтересовавшись результатами моих наблюдений. – Не представите ли меня ей? В знатные дома просто так не проникнуть, а мне хотелось бы непринужденности. Не вызывать же благородную даму в нашу канцелярию, какая уж тут непринужденность! А с вами мое появление в ее доме будет уместно и непринужденно. И хорошо бы попасть в день приема.
– Да хоть сегодня, – сказал я. – А как мне вас представить?
– Как есть, так и говорите. А что баронесса, не просила ли у вас денег?
– Просила. К злополучному колье она желает заказать серьги. Я не сумасшедший – отдавать даме двадцать пять тыщ...
– А вы дайте. Коль не жаль.
– Боюсь, не отдаст.
– Ну, не давайте. А то бы взяли расписочку... Это весьма приятно – поставить обольстительную даму в зависимость. Глядишь, и она уж смотрит благосклонно, сахарно улыбается, дает повод... Ух, Влас Евграфович, в молодости я со многими женщинами... кх, ммм...
Признаюсь, он меня раздражал недосказанностью. Разумеется, не по поводу женщин в его молодости. Но, предположив, что Никодим Спиридонович что-то замыслил и что, может быть, дело сдвинется с мертвой точки, я решил во всем ему помогать и заехал за ним вечером.
У Агнессы Федотовны гостей было немного – человек пять. В общем, те, кто обычно бывал, и среди них Сосницкий и Белозерский. Барон фон Раух отвратительно музицировал, стуча ногтями по клавишам, благо хоть тихо. Новое лицо вызвало неподдельный интерес, так как всем стало любопытно, из-за чего же застрелился граф Свешников и виновен ли он в убийствах. Один Белозерский не проявил интереса – наверняка из-за сестры, но Никодим Спиридонович ни разу не упомянул ее имя.
– Я понимаю ваш интерес к данному делу, – говорил он. – Граф Свешников для многих остался загадкой. Но открою один секрет. Он не убивал семью ювелира. К сожалению, мы слишком поздно узнали об этом и не смогли предотвратить его смерть.
– Да что вы! А кто же убил? – заговорили гости хором. Оторвался от рояля и барон.
– Неизвестно покуда, – ответил он, отпивая чаю. – Да не волнуйтесь, господа, полагаю, скоро нам удастся отыскать настоящего преступника.
– Вы напали на след? – спросила Агнесса Федотовна.

– Почти, – хитро улыбнулся он ей. – Видите ли, сударыня, рано или поздно преступление перестает быть тайной. Как бы умно ни построил интригу преступник, он всегда делает ошибку. Одну. Но роковую. Так и с графом Свешниковым случилось. Арсений Сергеевич зашел в дом ювелира после выстрелов, и тому есть два свидетеля.

– Что вы говорите! – обрадовалась Агнесса Федотовна. – И кто же свидетели? Да скажите же, ведь графа Свешникова уж нет на свете, теперь-то чего их скрывать?

– Графа-то нет, – лукаво сказал Никодим Спиридонович, – а убийца есть. Ежели он случайно прознает про свидетелей, что он с ними сделает?

– Вы хотите сказать, свидетели видели убийцу? – спросил Сосницкий.

– Нет-с, этого я не скажу, – ответил загадочно Никодим Спиридонович, по очереди останавливая взгляд на каждом из присутствующих. По его тону и поведению я сразу предположил, что свидетели убийцу видели. – Но кое-что мы имеем из показаний свидетелей, доказывающих невиновность графа Свешникова.

– Жаль, как жаль, что он застрелился, – огорчилась Агнесса Федотовна. – В душе я не верила, что граф Свешников злодей и убийца. А что он сам говорил? Ведь Арсений Сергеевич должен был доказывать свою невиновность?

– Ничего-с, – ответил так же загадочно Никодим Спиридонович, хитро поглядывая на всех. – На допросах он молчал. Однако, господа, перед смертью он доверился одному человеку. К сожалению, мы узнали обо всем уже после его смерти, но... как раз из рассказа доверенного лица графа мы обнаружили ту роковую ошибку преступника. Впрочем, в данном деле со стороны убийцы допущен даже ряд ошибок. Простите, больше сказать не могу-с.

– Как интересно... – капризно надула губы баронесса. – Надеюсь, вы будете держать нас в курсе событий, когда посчитаете возможным еще что-то рассказать? Как-никак, а трагедия случилась из-за моего колье... вернее, из-за денег, которые я отдала мастеру.

– Непременно, сударыня, непременно, – ележно пообещал он. – А не позволите ли взглянуть на ваше колье?

Агнесса Федотовна опять сама принесла футляр, снова с удовольствием выслушала комплименты по поводу камней и работы мастера. Я, честно сознаюсь, был зол на Никодима Спиридоновича, который непонятно зачем нанес визит баронессе, да еще указал на меня. Кто был у Свешникова в тюрьме? Конечно, я. Значит, я и был тем доверенным лицом графа, которому он поведал некую тайну. Зачем пристав так сделал? Этот вопрос я задал ему, когда повез его в своем экипаже домой.

– Из рассказа графа, – ответил он, – я понял, что баронесса играла некую роль в данном деле. Но куда не пойму – какую: первостепенную или ничтожную. Так или иначе, а она права: граф пострадал из-за колье.

– А ежели она ни при чем? – буркнул я.

– Видите ли, чтобы быть уверенным, надо знать наверняка. А точных знаний недостает. Ежели взять за основу то, что рассказал вам граф Свешников, выходит неприглядная картина: кто-то, как говорится, подставил графа. И мне думается, баронесса помогала убийце, возможно, не желая того. Если бы сознательно, то не ясна ее цель, ведь колье она забрала у мастера. Следовательно, некто просто воспользовался Агнессой Федотовной.

– Ваша мысль не нова для меня, – сказал я. – В таком случае Агнесса Федотовна должна знать, кто убийца. Почему бы вам не допросить ее?

– О, вы не знаете, на что способна влюбленная женщина! Она всячески будет защищать предмет своего обожания. Но вы поторопились меня прервать. Также я допускаю другую версию произошедшего: граф Свешников нарочно ввел вас в заблуждение, а когда понял, что ложь ему не поможет, застрелился. Разве нет логики в моих рассуждениях? Однако я должен все проверить, чтоб не допустить ошибки, довольно одного самоубийства. Сегодня гости баро-

нессы узнали много любопытного, посмотрим, какие действия предпримет убийца. Ежели убил не граф, убийца сегодня был в гостиной баронессы.

– Благодарю вас, – буркнул я с досадой. – Мне что же, теперь каждую минуту ждать пулю из-за угла?

– А вы не ходите пешком, сударь, – дал мой собеседник глупейший совет. – И не гуляйте ввечеру. Авось обойдется... Однако будьте начеку.

У меня не было слов!

Я вернулся домой, лег и не мог заснуть – все время думал о баронессе и ее окружении, вспоминал рассказ графа Свешникова. И пришел к выводу, что Никодим Спиридонович хитрит, не посвящает меня в свои планы. Досадно!

Дальнейшие события разворачивались скоро. Следующим вечером в меня стреляли!

Значительно потеплело, домой я возвращался в открытой коляске. Кучер остановился перед воротами, ждал, когда их откроют. И в тот момент, когда мы въезжали во двор, сзади нас промчалась пролетка – из нее и выстрелили. Не могу похвастать, что я вел себя героически; отнюдь, я страшно испугался и упал на дно коляски. К счастью, меня не убили, а слегка задели – пуля скользнула по щеке. Не мешкая, я велел кучеру развернуть экипаж и ехать следом за пролеткой. Догнать злодея нам не удалось – впрочем, что я мог сделать, безоружный?

Вскорости я велел ехать на дом к Никодиму Спиридоновичу. Встретил он меня подомашнему – в халате и с трубкой. И он не удивился, заметив кровь на моей щеке, а, потирая руки, пробасил:

– Прекрасно! Теперь я не сомневаюсь, и это главное. Значит, убийца действительно был у баронессы. Он напуган. Прекрасно!

– Вам это кажется прекрасным?! – негодовал я, глядя на его очевидный запал. – Да меня едва не убили! Довольно! Либо вы посвящаете меня в свои планы, либо я иду к баронессе и требую ответов. А у меня имеется много вопросов к ней!

– В вас стреляла баронесса? – Кажется, он делал из себя дурака. Или из меня.

– Я не видел, кто в меня стрелял, – прорычал я, намереваясь уйти.

– Стойте, Влас Евграфович, – остановил он меня. – Прошу вас сесть и выслушать. Дело в том, что сегодня произошел еще один курьез. Мальчонку, что работает в трактире и отнес записку околоточному, тоже пытались убить. Да-с! На него ехала... пролетка! Каково, а? – рассмеялся пристав. Тут уж я пришел в полное недоумение: на ребенка ехала пролетка, а он радуется! – Но я приставил к мальчонке своего человека, тот его спас.

– Не пойму, при чем тут мальчишка?

– Записка, сударь! Записку к околоточному ему дал мужчина. Полагаю, это и есть убийца. Вышел он от ювелира черным ходом и сразу же, зная, что вот-вот должен прийти граф Свешников, вручил мальцу записку. Или он дождался, когда приехал граф, и отдал записку. Мальчишка успел отнести ее, вернулся, увидел Свешникова, ведь тот долго не мог проникнуть в дом ювелира. Так вот, сударь: убийца боится, что половой опознает его. Кстати, мой человек сказывал, что управлял пролеткой мужчина, только лица его он не разглядел. Возница укутал лицо в шарф и натянул на нос кепку. М-да, не бесполезный визит мы нанесли баронессе... Значит, пролетка... Это великолепно! Я полон уверенности, что на полового ехала та же пролетка, из которой стреляли в вас. Завтра распоряджусь, чтоб опросили всех извозчиков в Ямских, от ванек до лихачей, – кто из них продал пролетку хотя бы на сутки. А скажите, кто еще знал, что вы посещали графа в тюрьме?

– Я говорил Агнессе Федотовне и барону. Разумеется, знала княжна Белозерская.

– А брат княжны вхож в дом баронессы... – рассуждал он.

– Мария Павловна не могла рассказать брату о моей дружбе с графом, – заверил я. – Она переписывалась с ним тайно.

– До суда, возможно, и не рассказывала, а после самоубийства Свешникова домашние могли принудить ее рассказать. Ах, какая жалость...

– О чем вы жалеете?

– Да есть еще один свидетель, сударь, однако бесполезный на данный момент. И этот свидетель единственный видел убийцу. Видел, как тот стрелял.

– Так пускай он укажет на убийцу, – воскликнул я. – Мы повезем его к баронессе, когда там все соберутся...

– Это невозможно, – вздохнул Никодим Спиридонович.

– Отчего же? – не понимал я.

– Свидетель – сын ювелира, десяти лет. Его нашли полицейские, когда делали обыск, под кроватью в спальне родителей. Мальчик весьма плох – не говорит, всего боится. Потрясение пережил сильное. А вот убийца его не заметил, иначе тоже убил бы.

– Где же сейчас сын ювелира?

– Спрятан. Его лечат, да только... толку пока мало.

– Я дам сколько угодно денег на лечение...

– Вы великодушны, это похвально. Но доктора и так делают все возможное. Так что, милостивый государь, придется без мальчика обойтись. А жаль, жаль... Я откровенен с вами, потому что доверяю вам и хочу теперь попросить, чтоб вы не лезли на рожон. Мой совет: посидите некоторое время дома, не ходите к баронессе. Или поезжайте отдохнуть... на воды. Весьма полезная вещь.

Я воспринял его совет как издевку, ибо советы не дают столь вкрадчивым тоном, словно мое присутствие в городе помеха. Раздосадованный, я уехал домой.

По счастью, в меня больше не стреляли. Но с утра я купил револьвер, точь-в-точь такой же, из какого убили ювелира, решив постоянно держать его при себе.

Рано утром следующего дня меня разбудил слуга, протягивая письмо. Я прочел: «Умоляю вас, срочно приезжайте ко мне. И позовите Никодима Спиридоновича. Случилось ужасное, я в отчаянии». Под письмом стоял знакомый росчерк Агнессы Федотовны. Не мешкая, умылся и оделся, сел в закрытый экипаж – я теперь опасался ездить в открытой коляске. Прежде чем поехать к Агнессе Федотовне, отправил слугу к Никодиму Спиридоновичу с просьбой незамедлительно ехать к баронессе.

Меня впустил перепуганный лакей Созон.

– Барыня плачут в своей комнате-с. Ох, у нас тут... – прошептал он.

Я взбежал наверх, не слушая причитаний лакея, нашел Агнессу Федотовну в ее спальне. Она стояла на коленях, упав лицом на кровать, и горько рыдала.

– Агнесса Федотовна! – закричал я с порога. – Что случилось?

Она тотчас обернулась ко мне, вид ее был ужасен – растрепанная, с красными заплаканными глазами, бледная. Она едва выговорила:

– Фридрих... убит...

– Как! – воскликнул я. – Что вы такое говорите! Где? Когда?

– Я вошла к нему... утром... Я всегда первая захожу к нему, даю микстуру, он ведь забывает пить капли... а на его лице... подушка... – И она снова залилась слезами. – А еще... еще... мое... колье...

– Да что с вашим колье?

– Его... нет... Боже мой! Колье... его украли!

На мое счастье, вскоре приехал Никодим Спиридонович, ибо я не знал, что делать с женщиной, с которой случилась истерика. Мы вместе помогли Агнессе Федотовне перейти в гостиную, усадили ее на диван, позвали горничную. Грушенька тоже ревела как белуга, но принесла нюхательной соли и воды для баронессы. Кое-как удалось успокоить Агнессу Федотовну, и она повторила то, что успела рассказать мне.

Никодим Спиридонович держался на редкость спокойно и сразу же приступил к допросу:

– Где хранилось ваше колье?

– В комнате Фридриха, – всхлипывала Агнесса Федотовна. – Эта комната далее всех, поэтому мне показалось надежным держать драгоценности у барона. Колье стоит безумных денег... Второй раз мне не заказать такую вещь! Боже, я разорена! Я нищая...

– А что, сударыня, все драгоценности похищены? – спросил он.

– Только колье... оно лежало отдельно... в ящике бюро.

– Ну, значит, вы не полностью обнищали, – вывел Никодим Спиридонович. – Сударыня, кто знал, где вы держите колье?

– Да, почитай, все знали, кто бывал у меня. Я показывала его всем, ведь мое колье неповторимо! Другого такого нет! Всем хотелось рассмотреть его ближе, подержать в руках. А когда Фридрих занемог, его навещали. Собираясь выехать, я брала колье из бюро при тех, кто сопровождал меня и был в это время у Фридриха.

– И кто же вас сопровождал?

– Да все, кто вхож в мой дом... Вон и Влас Евграфович сопровождал...

– А вчера у вас кто-нибудь был?

– Были... как обычно... разошлись за полночь.

– Простите, сударыня, а... на ночь никто не остался?

– Вы не смеете! – разгневалась она.

– Значит, не остался, – поспешил заключить Никодим Спиридонович. – А теперь, сударыня, проводите нас к барону.

Она поднялась с трудом, мы прошли анфиладу комнат и коридор, вошли к барону. Он лежал на кровати под одеялом, лицо его было накрыто большой подушкой. Я осталась стоять в дверях. Признаюсь, мне такие зрелища не по нраву. Агнесса Федотовна облокотилась спиной о стену рядом со мной, она едва держалась на ногах. Тем временем Никодим Спиридонович, взявшись пятерней за подбородок, ходил взад-вперед, осматривая комнату. Осматривал долго, выдвинул по очереди ящики бюро и комода, проверил окно, только потом подошел к кровати с балдахином, оглянулся на нас и снял подушку с головы барона.

Агнесса Федотовна закрыла лицо руками и сползла по стене на пол. Позади – из коридора – взвизгнула горничная, а я кинулся к баронессе, помог ей сесть в кресло. Взгляд мой упал на посиневшее лицо барона, и я тут же отвел глаза. Барон живым-то был пренеприятным внешне, а удушенный... никаких сил не доставало смотреть на него.

Никодим Спиридонович закончил осматривать труп, вышел и посоветовал Агнессе Федотовне прилечь отдохнуть.

– Да-да, – бормотала она в слезах. – Теперь мне придется отвезти тело барона в Германию – он хотел покоем в родной земле. Господи, его родственники будут меня корить... Зачем я взяла его с собой?! Груша, пошли за старухами, чтоб позаботились о бароне. Надеюсь, Никодим Спиридонович, вы найдете мое колье и сообщите мне? Такая вещь не может пропасть бесследно.

– Разумеется, сударыня. А когда вы намерены выехать в Германию?

– Не знаю... Как все ужасно! Закончу дела – так и отправлюсь.

Внизу Созон подал нам наши пальто, и Никодим Спиридонович шепнул ему:

– Проводи-ка нас, любезный, до экипажа.

Когда мы сели в мой экипаж, Никодим Спиридонович приказал залезть и Созону. Тот отказывался – мол, не положено с господами лакею сидеть, но пристав прикрикнул на него:

– Лезь, каналья, не то в острог упеку!

– За что-с? – заныл Созон, залезая в коляску.

– Ну-ка, отвечать мне правду! – грозно начал Никодим Спиридонович. – Кто ночевал у баронессы сегодня?

Созон воровато поглядывал то на меня, то на Никодима Спиридоновича, и вдруг лик его перекосила жалобная гримаса – он собирался разрыдаться. Я достал бумажник, вынул десять рублей и положил ему на колени. Мигом жалобная гримаса сменилась на алчную, слезы у лакея высохли, руки задрожали, когда потянулись к деньгам. Однако его опередил Никодим Спиридонович – схватил ассигнацию и поднес к круглому лицу Созона. Тот, уставившись на ассигнацию, покраснел от напряжения, находясь между тяжелым выбором, и шепотом скороговоркой выговорил:

– Вашество, не губите. Коли прознает барыня...

– Не прознает! – рявкнул Никодим Спиридонович. – Слово даю.

– Их светлость ночевали-с, князь Белозерский. Ушли-с на рассвете, барыня еще спали-с. А больше никого не было-с.

– Угу, – промычал Никодим Спиридонович, но, когда Созон пожелал взять деньги, отвел руку назад. – А скажи-ка, граф Свешников тоже ночевал у баронессы?

– Ночевали-с, – не отводил взгляда от ассигнации Созон, хотя и мучился предательством, однако деньги для него были большие, они брали верх. – Его сиятельство граф Свешников часто оставались у барыни.

– Так она одновременно спала с Белозерским и Свешниковым?

– Нет-с, как можно! Одновременно – нет-с. Только по очереди. Одну ночь – граф, вторую – князь, опосля опять граф...

– А ну-ка, признайся: кто-нибудь еще пользуется благосклонностью баронессы? Я имею в виду – ночует у нее? – разъярил Никодим Спиридонович.

– Ну, так да, – состроил Созон кислую мину, слова предательства застревали в его горле. – Господин Сосницкий ночевал-с. Редко. Все, более у нее никого нет, вот вам крест!

На этом, он думал, допрос закончен, и снова протянул руку к ассигнации. Только Никодим Спиридонович опять не отдал, задал новый вопрос:

– Говори как на духу: с кем баронесса ездила к мастеру забирать колье?

– С его милостью бароном и с его сиятельством графом Свеш...

– Лжешь, каналья! – ухмыльнулся Никодим Спиридонович.

– Не лгу-с...

– Крестись!

– Не могу-с... – захныкал Созон, состроив преомерзительную рожу. – Барыня накажут...

– Да не узнает твоя барыня, – забавлялся Никодим Спиридонович, помахивая ассигнацией. – Правду говори! И получишь десять рублей. Ведь какие деньги, а, Созон?

– Ездили-с к мастеру баронесса и барон. Ну и я. Все.

– А граф Свешников говорил, что барон умер...

– Так это ж шутку барыня придумали-с. Хотели-с представить барона, ну, будто бы он с того света с ими говорит на спириктическом сеянсе. Всем домашним было велено говорить, будто барон умер. Мы и говорили. А барыня сделали так: однажды устроили спириктический сеянс, говорили с господином бароном, а потом он взял и вышел к гостям. Ох и напугал всех! А потом господа смеялись и пили вино, говорили, шутка получилась славная. А я б умер, ей-богу, ежели б со мной так обошлись...

– Больно много шуток... Гляди, каналья, – погрозил он пальцем Созону, – барыне ни слова! А также ни князь, ни господин Сосницкий не должны узнать о нашем разговоре.

– Да как можно-с! – всплеснул тот руками. – Нешто я враг себе!

– Пшел вон, – бросил Никодим Спиридонович, отдав ассигнацию. Созон вылетел из коляски и низко поклонился нам несколько раз. Мы отъехали. – Едемте со мной, Влас Евграфович. Что задумались?

– Несчастная Мария Павловна. Что с ней будет, когда узнает?

– Думаете, ее брат убил барона и забрал колье?

– А кто же? – вздохнул я. – Кстати, он тоже в долгах как в шелках.

– Не пойманный – не вор, – хихикнул Никодим Спиридонович. – Вот кабы с поличным поймать... Однако будьте покойны, поймаем. Послушайте, сударь, вам что же, княжна приглянулась? Так ведь не отдадут ее за вас.

– А мы поглядим! – запальчиво заявил я и вдруг осекся. Что за бредовая мысль посетила меня? И с чего Никодим Спиридонович решил, что я собираюсь жениться на Мари? Глупо. А впрочем... чем черт не шутит... когда бог спит.

– Ну, дерзайте, дерзайте, – пробасил он. – Да только на свадьбу не забудьте позвать. Ох, и люблю я погулять! Вы положительно нравитесь мне, Влас Евграфович. Хваткий вы человек.

Приехали к нему в канцелярию. Мигом забежали люди, приносили сведения. Я не вслушивался в их слова, так как занят был мыслью о княжне. А что, чем в монастырскую тюрьму ее определять, почему за меня не отдать? Лучший способ замять скандал. Я так вдохновился этой идеей, что совсем забыл о недавней цели разоблачить преступника, который был опасен и для меня.

– Влас Евграфович, едемте! – вывел меня из мечтаний Никодим Спиридонович.

По дороге к экипажу он доложил:

– Нашли извозчика, который отдал на двое суток пролетку, получив за это двадцать пять рублей. Каково? Экая щедрость! И для чего, спрашивается? Уж не в вас ли стрелять из той пролетки? А вон тот извозчик. По сведениям, пролетку брал господин, похожий на князя Белозерского.

Хозяином пролетки был лихач, аккуратно одетый по тогдашней моде первых извозчиков, с чубом завитых волос, выбивавшимся из-под козырька щегольской фуражки. И пролетка у него была знатная, такие пролетки нанимали только господа, чтоб их прокатили с ветерком, наезжая на зазевавшихся прохожих. Никодим Спиридонович махнул лихачу, чтоб следовал за нами. Затем заехали за мальчиком-половым лет двенадцати, посадили к извозчику и направились к дому князя.

Господа вставали поздно, в двенадцать, а то и в час-два дня. Никодим Спиридонович попросил меня под каким-нибудь предлогом выманить князя Дмитрия на улицу.

– Помилуйте, как же я его выманю? – возражал я. – Мы с ним в ссоре.

– Так вот и предлог – помириться приехали. Сударь, это необходимо сделать. Я хочу, чтоб извозчик и половой незаметно поглядели на него. Сделайте одолжение.

Я выпрыгнул из экипажа злой как черт знает кто, позвонил. Когда ко мне вышел лакей, я сказал ему, чтоб вызвал князя Дмитрия по спешному делу, которое не ждет. Тот удивился – видимо, не приходилось ему приглашать князей на улицу – и удалился.

Князь Дмитрий вышел ко мне, остолбенел:

– Влас Евграфович? Чем обязан? – И насмешливая, высокомерная улыбка тронула его губы.

Как же, как же! Этикет не соблюден! Я ведь должен был униженно просить, чтоб меня соизволили принять. Но кто же из этих знатоков этикета и приличий стреляет в людей и душит спящих? Уж не князя ли?

– Вас ждет в экипаже Никодим Спиридонович, – без извинений сказал я и отошел.

Каюсь: таким образом я отомстил Никодиму Спиридоновичу. Чего это я должен расшаркиваться перед князем? Честь есть и у меня. Я отошел в сторонку, а князь скрылся в экипаже. Пробыл он там недолго и вышел с потрясенным лицом – значит, узнал о безвременной и насильственной кончине барона.

Мы отъехали на расстояние от дома Белозерских, и Никодим Спиридонович велел моему кучеру остановиться. Потом жестом подозвал извозчика-лихача и, когда тот поравнялся с нами, спросил:

– Он?

- Не он, – ответил извозчик. – Ростом тот был чуток пониже да крепче на вид.
- А тебе записку к околоточному этот человек давал? – повернулся Никодим Спиридонович к мальчишке-половому.
- Не-а, – дернул головой мальчик. – Тот не такой был. Кажись, постарше. И толще.
- Следующим выманили на улицу Сосницкого. Это сделать было проще, потому что вызывал его сам Никодим Спиридонович, очевидно опасаясь с моей стороны нового сюрприза.
- Все в точности! – сказал извозчик, когда Никодим Спиридонович переговорил с Юрием Васильевичем, а после спросил извозчика, не этот ли человек брал пролетку. – Он! Вернул акkurat час в час, как обещал.
- А тебе этот человек дал записку? – обратился Никодим Спиридонович к половому.
- Не-а. Тот совсем не такой был.
- А какой? – теперь уж раздраженно спросил Никодим Спиридонович.
- И мне было забавно смотреть, как он досадует на неудачу.
- А не помню, – ответил мальчик, подняв плечи к ушам. – Лицо у него закутано было по самый нос, я ж сказывал. И шляпа на глаза надвинута. А шинель старая, такие уж не носят господа, до пола спускалась. Я не разглядел его.
- Ну, а что-нибудь в нем было приметное? – донимал он расспросами мальчишку. Тот задумался, нахмутив лобик. – Может, он вел себя по-особенному?
- Не-а, не вел. Сидел у окошка, газету читал, потом меня позвал. Отдал записку и сказал, чтоб бегом отнес ее околоточному. Пять копеек дал!
- А что за газету читал? Да ты, поди, неграмотный.
- Отчего ж, я всю азбуку назубок знаю, – обиделся мальчик. – Да только в газете буквы были ненашенские.
- Ненашенские, говоришь? – заинтересовался Никодим Спиридонович.
- Ага, – мальчишка утер нос рукавом, – ненашенские. А на пальцах у него ногти длинные и чистые-пречистые. И на мизинце кольцо синее...
- Погодите, Никодим Спиридонович, – остановил я пристава, когда он хотел задать следующий вопрос. – Ты сказал: кольцо синее. Камень какой был – круглый, квадратный?
- Квадратный, – важно сказал тот. – И вокруг махонькие камушки.
- Никодим Спиридонович, похоже, это был барон, – сказал я. – Он носил на мизинце перстень с сапфиром, усыпанный бриллиантами. И ногти у него были длинные. Когда барон играл на рояле, они отвратительно постукивали по клавишам.
- А говорил, ничего нет приметного... – удовлетворенно крикнул Никодим Спиридонович, расплатился с извозчиком, велел ему отвезти мальчишку по адресу, затем долго сидел, сложив на животе руки, и думал, выпятив вперед губы.
- Не странно ли? У Агнессы Федотовны ночевал князь Дмитрий, после чего барона нашли удушенным... Пролетку для убийства взял Сосницкий, а записку к околоточному половому отдал барон... – высказал я мысли вслух. – Шайка разбойников?
- Не думаю, друг мой, – проворчал тот. – Кто-то кого-то подставляет, как графа Свешникова. Занятно, занятно... Послушайте, батенька, поезжайте к себе, а я еще раз переговорю с Сосницким. Встретимся вечером, я приеду к вам на дом.
- Позже стало известно, что Сосницкий купил на двое суток пролетку... по просьбе Агнессы Федотовны – у нее якобы сломался экипаж. Стало быть, это она взяла пролетку, но... не она же стреляла в меня! Колье Сосницкий не отрицал, что взял пролетку в аренду, значит, ему нечего скрывать, и значит, он тоже не стрелял в меня. Остался – страшно подумать – князь Дмитрий Белозерский! У меня голова пошла кругом.
- Неужели князь совершил все эти подлости? – негодовал я.
- Вы слишком доверчивы, – усмехнулся Никодим Спиридонович. – Верите на слово то Свешникову, то Сосницкому, то баронессе. А если все они лгут?

– Агнесса Федотовна не выдала князя, что он ночевал у нее, а ведь она наверняка догадалась, кто задушил барона, – доказывал я. – Хотя это и глупо – выгораживать злодея. Он подставляет ее, Сосницкого, даже покойного барона. Представьте, едва она потребует объяснений от князя... Надобно предупредить ее, а то как бы она не стала очередной жертвой...

– Непременно, Влас Евграфович, непременно, – произнес Никодим Спиридонович. – Завтра же. А не дадите ли мне письмецо, которое писала вам Агнесса Федотовна сегодня утром? К отчету приобшщу, на службе-то я сегодня не был, а начальство строгое.

– Извольте.

Я отдал ему письмо, он положил во внутренний карман сюртука и подмигнул мне:

– Я оповещу Сосницкого и Белозерского, чтоб с утра навестили баронессу. И вы приезжайте. В конце концов, мы были знакомы с бароном, нам надлежит проститься с ним перед отправкой на родину.

Я проводил его, но полночи не мог заснуть, чувствуя, что развязка близка.

У Агнессы Федотовны было тихо и мрачно – мебель в чехлах, зеркала занавешены, горели свечи, дом наполнился ароматом ладана, прислуга ходила на цыпочках. В прихожей были приготовлены саквояжи, а в гостиной стоял тяжелый гроб с телом барона фон Рауха. Сама баронесса была одета во все черное, ее усталое лицо прикрывала вуаль, лишь белый платок мелькал, когда она отдавала распоряжения, взмахивая рукой.

Князь Дмитрий прибыл одновременно со мной, Сосницкий не приехал. Агнесса Федотовна сообщила, что сегодня же отправляется в путь, плакала, сетовала, что ей придется ехать в Германию, которую она не любит. Я вышел на воздух покурить, полагая, что князь ничего не сделает с Агнессой Федотовной при таком количестве людей, и с нетерпением ждал Никодима Спиридоновича. Стояла промозглая и холодная погода, густой туман обволакивал улицу, от влажности нечем было дышать. Наконец из тумана вынырнул крытый экипаж, за ним ехали верхом несколько полицейских. Никодим Спиридонович тяжело ступил на мостовую, отдышался и подошел ко мне:

– Все собрались?

– Вы имеете в виду Сосницкого и Белозерского? Явился только князь, Сосницкого нет. Подождем?

– Не стоит.

Он сделал знак рукой, двое полицейских спешили, вошли за нами. У тела покойного Никодим Спиридонович постоял недолго, повздыхал. Станный он человек – ничем не выдавал своего отношения к происшедшему. Казалось, убийства его и не трогали, а являлись заурядным делом, которому он мало придавал значения. Мне не терпелось покинуть этот дом, но я опасался за Агнессу Федотовну, с князем ее нельзя было оставлять до самого отъезда. Никодим Спиридонович должен был предупредить ее насчет князя, но он почему-то не делал этого. Я уж хотел подтолкнуть его и тем самым напомнить о нашей цели, как вдруг он наклонился к баронессе и шепотом попросил:

– Сударыня-матушка, не прикажете ли подать чаю? Замерз я, однако.

– Пройдемте в столовую, господа, – печально сказала она, поднявшись со стула. – Груша, прикажи подать чаю на четыре персоны.

Расположившись у стола, Никодим Спиридонович огляделся, спросил:

– А что Сосницкий, виделись вы с ним вчера, сударыня?

– Я никого не принимаю, – ответила баронесса.

– А вы, князь, виделись с ним?

– Мельком, – мрачно произнес князь. – На улице.

– И ничего он вам не говорил, ваше сиятельство?

– Да нет. Озабочен был, мы скоро распрошались...

Груша и пожилая женщина принесли чай, чашки, поставили самовар. Никодим Спиридонович, взяв чашку, которую ему подала горничная, придвинул сахарницу и бросил несколько ложек в чай, размешал. Остальные, как и я, не притронулись к своим чашкам. Вдруг в этой тишине он сказал ужасную новость:

– Должен сообщить, что Сосницкий застрелен ночью.

– Что?! – воскликнули мы с князем одновременно.

– Не смотрите на меня, будто Юрия Васильевича убил я, – поморщился Никодим Спиридонович. – Да, его убили. Подло выстрелили в спину и наповал.

– Боже мой, – поднесла платок к глазам Агнесса Федотовна. – Я не могу поверить... Меня окружают одни смерти... мне страшно...

– За что же убили Сосницкого? – взволнованно спросил князь.

– Всему виной колье баронессы. – Никодим Спиридонович был, кажется, доволен произведенным впечатлением. – А помните, сударыня, я обещал вам убийцу назвать и колье отыскать?

– Что? – оживилась она. Да и я был потрясен, ведь Никодим Спиридонович дал понять, что знает имя убийцы. – Мое колье... найдено? Неужели! И где оно? У вас?

– Полагаю, сегодня оно найдется, – сказал Никодим Спиридонович.

– Кто же убийца? – нетерпеливо спросил князь.

– Сударыня, а вы ведь хорошо знакомы с убийцей, – доложил Никодим Спиридонович, жадно отхлебывая чай и проигнорировав князя.

– Я знакома? Это кто-то из моих... друзей? – не верила она. – Кто?

– Немного терпения, – улыбнулся пристав своею неприятной улыбкой, достал помятую бумажку и письмо баронессы, развернул и протянул мне оба листа. – Взгляните, сударь. Не кажется ли вам, что обе записки писаны одной рукой?

Я внимательно изучил буквы и признал, что обе записки написаны одним человеком, то есть Агнессой Федотовной. Во второй было сказано, что по такому-то адресу слышались выстрелы.

– Значит, вы, баронесса, знаете, кто стрелял в ювелира? – ужаснулся я.

– Безусловно, – кивнул Никодим Спиридонович, поглядывая на всех. – Баронесса, безусловно, знает. А вот вы как думаете, какова цель всех произошедших событий? Колье Агнесса Федотовна от ювелира получила, а дальше... Кто разыграл спектакль и подставил графа Свешникова? Кто задушил барона? Кто украл колье? Кто стрелял в вас, Влас Евграфович, и едва не наехал на мальчишку-полового? И наконец, кто застрелил семью ювелира и Сосницкого? Ответьте, друг мой.

Он обращался ко мне, и у меня был один ответ: князь Белозерский. Но я не высказал мысль вслух, лишь перевел на князя взгляд, чем немало смутил его. Никодим Спиридонович торжествующе покивал и сказал очень просто, словно в его обвинении нет ничего сверхъестественного:

– Вся интрига принадлежит баронессе.

В столовой воцарилась на некоторое время тишина. Я ничего не понимал. Растерян был и князь Дмитрий, но он первый подал голос:

– Извольте шутить?

– Помилуйте, голубчик, с чего бы мне шутить? – вздохнул Никодим Спиридонович и протянул мне свою пустую чашку. – Сделайте одолжение, налейте мне еще чаю.

У меня тряслись руки, когда я держал чашку под струей горячей воды. Агнесса Федотовна, потрясенная, кажется, более всех, с трудом выговорила:

– Это чудовищно – так думать. И что же, я украла у себя колье?

– Да никто его у вас не крал, сударыня, – махнул рукой Никодим Спиридонович. – Оно у вас. Сами достанете или нам искать?

– Ищите! – бросила она, закрыв ладонями лицо. – Боже мой! Как вы смеее меня обвинять... Это несправедливо!

– А ведь вы, сударыня, не зря окружали себя молодыми людьми, – болтал чайной ложкой в чашке Никодим Спиридонович. – Вы отбирали самых достойных, для кого понятие чести на первом месте. Человек чести не затронет ваше имя, так? Вот из-за этого и погиб граф Свешников. Вы намеренно принимали у себя графа и князя, узнав, что они слегка враждовали. Намеренно притянули к себе Сосницкого. Слабая женщина среди стольких влюбленных – это ли не хитрость? А влюблять вы умеете. И вы из них выбирали кандидата на роль убийцы. Один не попался в ваши сети – Влас Евграфович, а он вам нужен был до крайности, ведь он богат, его тоже можно обокрасть. Так что, Влас Евграфович, вы верно поступили, не дав баронессе денег взаймы, назад вы бы их не получили. Кстати, Влас Евграфович единственный не верил в виновность графа. Но как раз ему граф Свешников рассказал, как было дело на самом деле, а затем застрелился, не желая позора. Мне грустно.

Я не в силах был сидеть, вскочил, ослабил узел галстука и заходил по столовой. Я не верил, что Агнесса Федотовна способна на такие изощрения. Сама она не могла этого совершить. Будто угадав, о чем я думаю, Никодим Спиридонович сказал, снова обращаясь к баронессе:

– Но сами вы не могли повернуть все эти дела, вам помогли-с.

После этих его слов мой взгляд ненароком остановился на князе. Однако следующая произнесенная фраза удивила меня.

– И помогал вам барон фон Раух, – спокойно пояснил пристав.

– Барон застрелил семью ювелира? – поразился князь.

– Барон отдал записку половому из трактира, – не ответил прямо Никодим Спиридонович. – А записку написала Агнесса Федотовна. Помните, Влас Евграфович, мальчишка говорил, что человек с запиской не похож ни на князя, ни на Сосницкого? Записку отдал мальчишке человек постарше, толще, он прятал лицо, был в шинели до пят. Барон боялся, что его заметит и узнает граф Свешников, когда приедет к ювелиру. Сидел-то он у окна, посему старательно прятал внешность. Ну а потом мальчик вспомнил о перстне, о ногтях, вы же и сказали, Влас Евграфович, что это был барон. А помните, граф говорил, будто барон умер? И поначалу слух такой ходил, да только все это было сделано для графа Свешникова. Агнесса Федотовна и распустила слух, а потом изобразила шутку с воскрешением барона на спиритическом сеансе. И револьвер у графа забрала она же, когда он ночевал у нее. Все было продумано, чтоб граф попался с поличным. Даже мнимая смерть барона должна была пойти на пользу. Кто бы графу поверил? Барон жив, колье у баронессы, денег, полученных ювелиром за колье, нет. Граф вышел бы лжецом, если б оправдывался. Но он, к сожалению, не оправдывался.

– Так кто же застрелил ювелира и женщин? – тихо спросил князь.

– Вы не догадались? – улыбнулся ему Никодим Спиридонович. Противная черта наблюдалась у него – улыбаться в самые неподходящие моменты. – Это сделала Агнесса Федотовна. Да-с, господа, она дала графу снотворного, встала раньше и поехала с бароном к ювелиру. Тот, разумеется, пустил ее, а барон остался на улице. Баронесса застрелила всех, кто был способен указать на нее, и убежала, воспользовавшись черным ходом. А после, когда она вернулась домой, горничная разбудила графа Свешникова, который встал с тяжелой головой, – он ведь так и говорил. Правда, он объяснял свое состояние тем, что не выспался, а на самом деле чувствовал себя неважно, потому что его напоили снотворным. Так вот, баронесса попросила его забрать колье у ювелира...

– Но с какой целью? – воскликнул князь, перебив Никодима Спиридоновича и опередив меня. – Колье ведь было у баронессы.

– Вот! – торжественно потряс чайной ложкой Никодим Спиридонович, обнаруживая тем самым отсутствие манер. – Мы добрались до цели. Цель! У баронессы было четыре камня.

Прекрасных, дорогих, но... всего четыре. Остальные подобрал мастер. И подобрал камни редкие, огромной стоимости, как того желала баронесса. А денег у нее не было-с! Потому и не могла сразу заказать колье, как только приехала. Но она заняла их. Однако для этого сначала нужно было войти в доверие, показать себя истинной богачкой. А квартирка-то у вас, сударыня, скромная для вашей милости. Побывав у вас, я и задумался, отчего ж это баронесса и барон довольствуются двумя этажами в скромном доме, а не сняли дом где-нибудь на Мойке? И прислуги у вас маловато. Вот я и стал разведывать, не занимали ли вы деньги. Занимали-с! И у Власа Евграфовича просили-с. Но долги-то следовало вернуть... Убив ювелира, баронесса не только оставалась владелицей громадной ценности колье, но и вернула назад деньги. Потому мы и не нашли денег у ювелира. Убив, она вернулась домой. По словам графа Свешникова, в то утро баронесса была страшно бледна, едва не падала в обморок. Ну, разумеется, тройное ведь убийство только что совершила! К тому же волновалась, как обернется дело с графом. А барон ждал Свешникова в трактире, читая иностранную газету. Помните, Влас Евграфович, мальчонка-половой говорил, будто в газете буквы были «ненашенские»? Едва появился граф, барон отдал записку половому. По времени все совпадает до минуты, я лично сверял, повторив маневры баронессы.

– А барон? Ежели он сообщник, то кто же задушил барона? – спросил я. – И зачем?

– Сударыня, – взглянул на нее Никодим Спиридонович, – вы правильно поняли мое первое появление у вас. Вы не могли рассчитывать на придурковатого барона – он мог выдать вас – и принялись срочно уничтожать свидетелей. Для сего воспользовались Юрием Васильевичем Сосницким и попросили его купить вам на два дня пролетку, сказав, что ваш выезд не на ходу, будто бы сломалась рессора и требуется починка, а без выезда вы не можете обходиться. Вы, переодевшись в мужское платье, попытались убить тех, о ком я говорил. Вы прекрасная наездница, следовательно, умеете управлять и запряженными лошадьми. Да только не получилось у вас убить ни Власа Евграфовича, ни мальчишку-полового, который относил околоточному записку. Тогда вы оставили у себя ночевать князя Дмитрия, ночью задушили барона подушкой и сообщили, будто колье украдено. Вы были уверены, что я дознаюсь, кто ночевал у вас. Следовательно, подозрение падет на князя. А вы тем временем с покойным мужем и колье благополучно покинете Россию. Ведь барон ваш муж, не так ли? В данном случае вы сказали графу Свешникову правду. У барона был слабый ум, потому вам и удавалось вертеть им. А Германия прекрасное убежище для вас. Кстати, вы приехали с определенной целью в Россию – сделать колье и расплатиться с ювелиром его же жизнью. План придумали загодя. А Сосницкий вчера вечером был у вас и наверняка потребовал объяснений, почему я подробно выспрашивал о пролетке. За ним и за князем следили мои люди. Вам пришлось застрелить Сосницкого, ведь, по логике всех преступников, лучший свидетель – мертвый. И вы ловко это сделали, к сожалению, мой человек вас не догнал.

– Да как вы смеете обвинять меня... – вознегодовала Агнесса Федотовна.

– Смею-с. Больше-то некому убить, – пожал плечами Никодим Спиридонович. – Вы старались избавиться от тех, кто способен удостоверить ваши хитрости. Неумно, сударыня.

– Послушайте, – подскочил князь Дмитрий. – Вы наговорили всего столько... А где доказательства? Эдак каждого порядочного человека можно обвинить черт знает в чем!

– Не каждого, – мягко возразил Никодим Спиридонович. – А того, у кого есть мотивы. Вон две записочки лежат, а почерк-то один. Кстати, сударыня, а где вы собирались захоронить барона?

– В Вестфалии, – ответила она холодно и встала. – Простите, господа, но я больше не желаю слушать бездоказательные обвинения в свой адрес. Покиньте мой дом.

– Разумеется, сударыня, мы покинем ваш дом, но чуть позже, – поднял указательный палец Никодим Спиридонович. Он повернулся к выходу, у которого стояли двое полицейских. – Приведите и начинайте.

Пару минут царило молчание. Агнесса Федотовна даже не присела, сложила руки перед собой и ждала, что еще приготовил Никодим Спиридонович, глядя на него холодно. Ждали и мы с князем. Полицейский ввел женщину, одетую по-мещански просто, и мальчика лет десяти – худого, бледного, с испуганными глазенками. Никодим Спиридонович подошел к ним, взял мальчика за плечи:

– Посмотри на этих людей.

Мальчик взглянул на меня, затем на баронессу и вдруг затрясся, покраснел и кинулся к сопровождавшей его женщине, закричав:

– Тетенька убьет меня! Тетенька убьет меня!

Женщина присела перед ребенком, обняла за плечи:

– Что ты, милый! Не бойся. Никто тебя не тронет...

– Уф, – с облегчением выдохнул Никодим Спиридонович, обмахивая себя салфеткой. – Заговорил-таки! Вот и ладно. Уведите их. – Полицейский увел женщину и мальчика, а он повернулся к баронессе: – Как видите, сударыня, свидетель вашего преступления есть. Он видел, как вы убили его родителей, спрятался от вас, да от потрясения перестал говорить. Доктор посоветовал показать ему убийцу. И получилось!

Обессилев, баронесса упала на стул, ей стало дурно.

– Боже мой... – говорила она. – Кто-то нарочно натравил вас на меня. Вы не боитесь, что произойдет ошибка, как с графом Свешниковым?

– Только, умоляю, сударыня, не падайте в обморок, терпеть этого не могу! – покривился Никодим Спиридонович. – Правда, вы не из тех, кто падает в обмороки... да и не поможет это. Ну-с, осталось найти колье...

Три часа шел обыск, мы все находились в столовой. Сначала обыскали саквояжи баронессы, затем комнаты, затем личные вещи барона. Не нашли.

– Может, и меня обыщете? – развела в стороны руки Агнесса Федотовна, мол, извольте. Никто из полицейских не решился прикоснуться к ее милости. Никодим Спиридонович был чернее тучи, а баронесса полна гнева, однако говорила с достоинством: – Где же колье? Ведь из-за него вы обвинили меня в чудовищных преступлениях. Мальчик вам не поможет. Мало ли что показалось больному ребенку! Да и записки... почерк легко подделать! Вы разве этого не знаете?

Никодим Спиридонович смерил ее тяжелым взглядом и поплелся к выходу. Он потерпел крах. Медленно спускался он по лестнице, будто не хотел уходить. За ним шел я, за мной – князь и полицейские. Агнесса Федотовна, оставшаяся стоять наверху, выкрикнула напоследок:

– Я обязательно распишу во всех заграничных газетах, как в России унижают и оскорбляют достойных людей. Ужасная страна! Ноги моей больше здесь не будет!

Никодим Спиридонович остановился, постоял немного, вперив в негодующую баронессу пронизывающий взгляд, затем внезапно пошел назад, приказав полицейским следовать за ним. Он вошел в гостиную и распорядился:

– Обыщите покойного.

– Это кощунство! – воскликнул князь.

– Помолчите, ваше сиятельство! – брюзгливо отмахнулся Никодим Спиридонович и снова повернулся к своим подчиненным: – Обыщите покойного! Это приказ.

Под подушкой барона нашли футляр, а в нем... колье.

– М-да... – Никодим Спиридонович торжествующе улыбнулся, беря в руки футляр. – Полагаю, барон не доехал бы до Вестфалии. А дело-то, Влас Евграфович, простое.

День бы потерял. Я ступил на ступеньку экипажа, не зная, куда податься, как вдруг меня окликнул князь Белозерский. Я задержался, ожидая его.

– Влас Евграфович... – мялся он, подойдя ближе. – Вы на меня сердиты?

– Нисколько.

– Я прошу простить меня за недостойное поведение. И давно хотел поблагодарить вас за Мари, вы поступили тогда благородно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.